

Анна Ледовская

Тряпный
Аромат
Угрозы

Анна Ледовская

Пряный аромат угрозы

«ИТРК»

2019

УДК 82-31
ББК 84-44

Ледовская А. А.

Пряный аромат угрозы / А. А. Ледовская — «ИТРК», 2019

ISBN 978-5-88010-567-0

«Пряный аромат угрозы» – романтический триллер, полный неожиданных поворотов сюжета, действие которого перенесет читателя из Москвы в Европу, а оттуда – на Ближний Восток. Могла ли героиня романа предположить, что встреча с мужчиной мечты положит конец ее карьере и безоблачной жизни? Она сбита с толку, но все же решает выйти замуж и уехать из страны. И хотя она влюблена и счастлива в браке, очень скоро девушка понимает, что в прошлом ее мужа слишком много тайн, раскрытие которых может привести к необратимым последствиям. Книга будет интересна всем читателям и поклонникам остросюжетных любовных романов.

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-567-0

© Ледовская А. А., 2019

© ИТРК, 2019

Содержание

Книга первая	6
Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	29
Часть вторая	35
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	51
Глава 17	53
Глава 18	55
Глава 19	58
Глава 20	61
Глава 21	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Алексеевна Ледовская

Пряный аромат угрозы

© Ледовская А.А., 2019

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2019

* * *

Книга первая

In ignem incidi, fumum fugiens¹.

Пролог

Ну вот мы и пришли к этому... Рубеж, черта, пропасть. Сколько раз мы говорим о них, играя словами, драматизируя, не думая о том, что это может случиться в реальности. Но мы не понимаем, что значит «столкнуться со смертью», пока не встречаемся с ней буквально, лицом к лицу.

Как встретилась я.

Не знаю, померкнут ли когда-нибудь воспоминания об этом моменте, поблекнут ли яркие краски, сотрется ли в памяти хотя бы частица, тысячная доля мгновения, – не знаю, но думаю, что никогда.

Никогда.

А самое страшное – это когда ты признаешься, что ждал этого. Подспудно, подсознательно, не давая себе отчета. Так произошло и со мной. Мне было страшно, но я старалась об этом не думать, как делал бы каждый на моем месте, из чувства самосохранения.

Но я ждала...

И вот я стою посреди комнаты, полной людей, но для меня их словно нет. Я не чувствую их поддержку, не верю, что кто-то из них может мне помочь. Но мне кажется, что я не ощущаю страха, хотя, возможно, переживаю последние минуты своей жизни. Сейчас, в этот самый момент, стоя перед черным дулом пистолета, глядя в глаза любимому человеку.

Глядя в глаза смерти...

¹ Убегая от дыма, я попал в огонь (лат.).

Часть первая

*Меняем реки, страны, города...
Иные двери... Новые года...
А никуда нам от себя не деться,
А если деться – только в никуда.*

Омар Хайям

Глава 1

Москва. Несколько лет назад

В тот день я опоздала – в метро был жуткий коллапс. Вся в мыле я ворвалась в офис, держа в нетвердых руках бумажный стаканчик с кофе. Ноги тряслись, поступь была неровной. Один неверный шаг, поворот или просто вздох – и я могла запросто оказаться на полу. Что бы это повлекло за собой, даже страшно представить. Брюки были и так далеки от совершенства: февральская оттепель в Москве не оставляет шансов. В этот день на утро было назначено совещание у генерального. Что ж, лучше объясниться с ним, чем хотя бы встретиться взглядом с непосредственным руководителем. Но мне повезло еще больше: первым, кого я встретила, оказалась Настя, которая буквально бежала куда-то с целой стопкой бумаг. Они вываливались из ее рук, а она хватала их на лету и бурно ругалась себе под нос.

– Настена!.. – крикнула я.

– Элина, вот ты где! Ты знаешь, что Фридман уже там, в конференц-зале? Рвет и мечет!

– А это еще почему?

– Ну как почему – ничего не готово, а французы уже завтра будут здесь. Он же должен все знать, а половина управлений не предоставили отчеты...

– Да он и так все знает.

– Ага, как бы не так...

Мы забежали в конференц-зал вместе. К тому моменту я успела скинуть пальто и выбросить пустой стаканчик в урну. Улыбаясь всем собравшимся, я сделала вид, что помогаю Насте разобрать бумаги. Кажется, пронесло...

Через пятнадцать минут все заняли свои места. Совещание началось.

Для того чтобы все встало на свои места, я попытаюсь кратко описать всех действующих лиц, а также ситуацию, в которой я тогда оказалась.

Я работала менеджером по коммуникациям в фармацевтической компании «ЕвроФарм». Не буду вдаваться в подробности по причинам, которые будут совсем скоро понятны, скажу только, что в то время мы как раз были на грани заключения сделки с французской компанией, гораздо крупнее нашей. Французы хотели обосноваться на российском рынке, а мы – заполучить иностранного партнера. Разумеется, у иностранцев были и другие варианты сотрудничества, но наш генеральный директор смело утверждал, что у нас есть все шансы на успех.

Генеральный директор, Борис Фридман, – человек на своем месте. Справедливый руководитель и уважаемый человек. Еврей (кстати, как и я). Пятьдесят семь лет. Женат. Жена стерва (насколько мы все знали...).

Его заместитель, Софья Леонидовна, составляла с ним прекрасную пару (в деловом смысле, разумеется, хотя многие считали, что не только). Примерно ровесница Фридмана. Тоже еврейка. «Продвинутая», как называли ее младшие сотрудники. Я никогда не боялась приходить к ней со своими идеями и сомнениями. Она ценила людей, а не их пресловутый опыт и связи. Можно сказать, что с высоким начальством мне крупно повезло.

А вот в остальном все оказалось с точностью наоборот.

Игорь Сладков – мой непосредственный начальник... Сложно охарактеризовать его – особенно сейчас. Хорошие слова как-то не приходят на ум, а плохих определенно недостаточно в моем лексиконе, чтобы описать его истинную сущность. Впрочем, я могу быть очень субъективной – ведь были в нашем коллективе сотрудники – а особенно сотрудницы, – которые считали его верхом совершенства (а возможно, и блаженства). Бытовало мнение, что он переспал со всеми представительницами женского пола в нашей команде. Кроме Софьи, конечно. И меня. Этого-то он и не мог мне простить. И, наверно, из-за этого все и вышло...

Мелочный, дотошный, мстительный, замечающий и запоминающий каждый недостаток, чтобы потом использовать его в своих целях. Готовый на все, чтобы выслужиться перед высшим руководством – и речь идет даже не о Борисе Фридмане, а о людях гораздо выше, кто поставил его сюда и прикрывал все его гнусные делишки. Поэтому он и чувствовал себя почти неуязвимым. Все его прихоти неукоснительно исполнялись. Никто никогда не говорил ему «нет». Никто...

Кроме меня.

Кто знает, может, я подписала себе приговор, когда поговорила с ним в первый раз, при приеме на работу. Он одобрил мою кандидатуру, не колеблясь. Интересно, на что он рассчитывал? Одно точно: приглянулась я ему не как перспективный работник. Почти сразу он начал постоянно намекать на *это*. Сначала я могла просто невинно отшучиваться, не придавая этому большого значения. Но очень скоро все перестало казаться смешным. Его намеки становились откровенно возмутительными и... грязными. Да, после разговора с ним мне хотелось срочно принять ванну – желательно погорячее и с сильно пахнущей пеной, чтобы смыть всю грязь. Многие сотрудницы смотрели на меня как на зачумленную. А одна прямо сказала: «У тебя что, убудет? А там смотри – продвинешься...»

Но в общем и в целом компания мне нравилась. До этого я работала в одной небольшой фирме, которая не могла дать мне многого. Я быстро ушла оттуда. А на компанию «ЕвроФарм» делала большие ставки. Помимо того, что должность почти полностью соответствовала моим требованиям и прожекам (я окончила иняз, а потом факультет международных отношений), компания решила выходить на международный рынок (как раз незадолго до моего поступления на должность менеджера по коммуникациям), что делало ее для меня еще более заманчивой. Не успела я завершить испытательный срок, как Фридман с Софьей вызвали меня в кабинет и нарисовали весьма радужные перспективы. А год назад сделали официальное заявление: «Менеджер по коммуникациям – это только начало. Мы будем развивать международный отдел. Сейчас мы начнем сотрудничать с французами, завтра с кем-нибудь еще... Ты запросто сможешь возглавить отдел, девочка».

Тогда это прозвучало как песня, как гимн.

Год спустя это стало эпитафией.

Глава 2

Следующий разговор я услышала чисто случайно – пока сидела под дверью в ожидании очередной аудиенции у гендиректора.

– Ну а вы что думаете, Софья Борисовна? Вы тоже больны ксенофобией? Или вам не по душе французская кухня? – спросил Фридман.

– Почему же? Ни то, ни другое. Более того, Борис Натанович, я вовсе не считаю, что это сотрудничество нам не выгодно.

– Неужели? Если бы у всех в коллективе была такая позиция.

– Но ведь это вас не остановит, не так ли? – произнесла она вкрадчивым, скорее, даже интимным голосом. – Ведь уже все давно решено, Борь?

– Да, решено. Но мы все же одна команда. Мне бы не хотелось, чтобы в наших рядах царил несогласие.

– Такого не будет. И потом, кто не согласен? Игорь, что ли? А он не забыл случайно, какую роль он здесь играет? Он всего лишь начальник отдела.

– Но он очень лояльный сотрудник. Я бы не хотел бросаться такими людьми. Я всегда считался с его мнением. Ну до определенного предела...

– Ты выслушал его и на этот раз, не так ли? Вот и все! К тому же мне иногда кажется, что он слишком много на себя берет.

– Тебе не кажется, так и есть. Как с партнером я бы не хотел иметь с ним дело. Но как помощник и начальник отдела по связям с общественностью...

– Да ладно, Борь, нас же не подслушивают. Можешь говорить как есть.

Борис Натанович тяжело вздохнул.

– Если честно, даже говорить не хочется... Если бы этого ублюдка не прикрывал глава холдинга, я бы его и недели терпеть не стал.

– Ладно, успокойся, все равно ничего не изменишь. А что он там говорил насчет американцев?

– Якобы генеральный за сделку с янки. Он считает, что это более перспективная затея, а с французами очень много мороки, они слишком себе на уме.

– А ты как считаешь, Борь? Выгорит?

Он промолчал, но – сто процентов – улыбнулся ей и продолжил:

– Ладно, посмотрим. Кто не рискует... Который час?

– Без пятнадцати семь.

– Уже? Соня, тебе давно пора домой.

– Как и тебе.

– А я должен остаться и дочитать этот несчастный контракт. Завтра они будут здесь, и поэтому я должен быть целиком и полностью подготовлен.

– В чем дело, Борь? Раньше ты не был таким педантичным.

– Раньше я не имел дело с французами.

На минуту повисла тишина.

– Да шучу я, шучу...

Софья прыснула от смеха:

– Да уж... Ну и шутки у тебя!.. А если серьезно, ты им доверяешь?

– Кому, Марэ? Я его довольно давно знаю. Он, конечно, прожженный волк, но, по крайней мере, от него знаешь, чего ожидать.

– Да, но ведь завтра тебе придется договариваться не с ним, а с его сыном. Насколько я знаю, с ним ты не знаком.

– Верно, но надеюсь, его позиция не будет сильно отличаться от отцовской.

Софья вздохнула и, кажется, поднялась со своего места.

– Вот-вот. Будем надеяться. Работай, только не зарабатывайся. А я пойду.

Она подошла к двери, но вдруг остановилась и снова заговорила:

– Я предупредила девочек, чтобы они все приготовили в конференц-зале. Мы не ударим лицом в грязь. Главное, чтобы был готов перевод документов на французский... О нет, он же у Элины! Я его так и на забрала! Надеюсь, она еще не ушла...

Дома я оказалась только в половине двенадцатого. Пока мы с Софьей просмотрели все документы и переводы, вечер сменился ночью. Нет, она не переживала и не страдала неуверенностью, просто не хотела лишний раз давать повод Борису Натановичу понервничать. Они никогда не подводили друг друга – более прочного тандема я не знала.

Не успела я закрыть дверь, как сразу же зазвонил телефон. Ну конечно, это был Женька.

– Ты решила брать пример с японцев?

Мне захотелось рассмеяться, хотя я валилась с ног от усталости.

– Ты о чем, Жень?

– Работать до ночи, а может, и поставить кроватку в офисе, чтобы уж точно – без отрыва от производства.

– Ладно, я тебя поняла. Так и сделаю.

– А если серьезно?

– А если серьезно, Жень, у нас французы завтра приедут.

– Ну и что?

– А то, что это очень важная встреча, от которой, возможно, зависит наша судьба.

– Наша – это наша с тобой или фирмы?

– Когда-нибудь побью тебя за твои шуточки!.. Я же говорила тебе про сделку. Мы проверяли все документы, переводы, все ли организовано к их прибытию... В общем, много всего. И я очень устала. А завтра надо еще быть в половине восьмого.

– Просто не труд, а рабство какое-то.

– Да кто бы говорил! Ты-то уже, наверно, кроватку в офисе поставил?

Смех в трубке – теплый, успокаивающий.

– Элин, сколько мы уже нормально не виделись, а? Я скоро забуду, как ты выглядишь. И кто-то еще постоянно говорит, что старых друзей нельзя забывать...

– Ничего, скоро все закончится. Я надеюсь, что после подписания контракта больше не будет такого ажиотажа.

– Уверена? Вот возьмут вас французы в оборот по полной программе – и станет еще хуже.

– Жень, я оптимист. Ты вроде тоже.

– А что мне еще остается? Ладно, ложись спать, а труба позовет завтра. Очень хочу крепко тебя обнять, но понимаю, что моим мечтам не суждено сбыться.

– Не отчаивайся. Мечты сбываются. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Утром, в тысячный раз проверив все бумаги, я аккуратно сложила их в портфель. Весь вечер накануне я ломала голову над тем, что надеть: я ведь упорно убеждала себя, что этот день будет особенным. Я всегда уделяла большое внимание одежде, практически не подчиняясь установленным правилам делового этикета. У меня был свой этикет. И до сих пор он ни разу не подвел меня. У меня была пара строгих костюмов, но в основном я предпочитала платья в стиле Шанель – строгие, неброские, все сшитые примерно по одному лекалу, в основном темных, иногда пастельных тонов. Когда кто-нибудь из вновь прибывших сотрудников интересовался, что за модель я предпочитаю, коллеги называли это просто *моделью Элины*.

В тысяча первый раз посмотрев в зеркало, я как-то тяжело вздохнула – словно спортсмен перед самым ответственным прыжком. В этот день я должна выглядеть на все сто. Нет, на все двести. Нет... Да что там мелочиться – на миллион евро!..

Пол был начищен до блеска, окна прозрачные, нигде ни пылинки, во всех залах, в коридорах, на лестницах и в лифтах витал аромат французских духов. Партнеров из Франции встречали по полной программе и очень по-русски. Проходя мимо конференц-зала, я слышала только непрекращающиеся споры и чистую французскую речь. Борис Натанович говорил

по-французски бегло, почти без акцента, Софья Борисовна не уступала. Французы должны остаться довольны.

– Давно они там? – спросила я у секретаря.

– Ну вот как зашли, так и не выходили, – ответила Настя.

– Ты их видела? Производят впечатление?

Настя игриво улыбнулась и закатила глазки.

– Еще какое! Правда, почти все старые.

– Старые?! Не может быть. Сын Марэ не может быть старым. Ему от силы тридцать с хвостиком.

– Да, одного молодого видела. Наверно, это и был он.

– Да? Ну и как?

– Ну, вообще-то, не красавец... Но, пожалуй, самый интересный мужчина за последние – я бы сказала – лет пять!

– Не может быть. Мне сказали, что там ничего особенного.

– Деточка, – Настя подалась вперед и фамильярно поманила меня пальцем, – боюсь, тебя жестоко обманули.

В отделе по связям с общественностью царил такой же гвалт, как и везде. Игорь Сладков, начальник отдела и, возможно, будущий исполнительный директор, кружил по офису как заведенный, постоянно что-то выкрикивал, и казалось, с каждой минутой становился все краснее и краснее. «Сейчас того и гляди лопнет», – подумала я, печатая двадцатое по счету письмо. И не я одна так думала. Я знала, что некоторые недолюбливали Игоря в глубине души, а кто-то вообще едва выносил – те, кто, конечно, ни за что на свете не согласились бы лечь с ним в постель. А их было, как известно, довольно мало. Меня не удивляло, что кто-то из сотрудниц предпочитал этот вариант продвижения по лестнице. Меня удивляло то, что их оказалось так много. Терпеть его масляные взгляды и сальные намеки уже само по себе лишало аппетита, а уж представить себе нечто большее было выше моих человеческих сил. Я старалась не думать об этом. И к тому же этажом ниже работал Женька, ИТ-дизайнер, который довольно часто заходил ко мне «поболтать». Возможно, именно это и сдерживало пыл моего непосредственного начальника.

В дверь ворвалась Настя и ринулась прямо ко мне.

– Элин, тебя срочно вызывают к Борису Натановичу.

А потом шепотом, на ушко, добавила:

– Кажется, совещание закончилось.

Я уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

– А что им нужно?

– Вот уж не знаю. Ты! Наверно, переводить. Ты ведь у нас одна французский знаешь. Ну кроме начальства. Игорь-то... ясное дело, пробка пробкой. – И она несколько раз стукнула по столу. – Иди, а то они ждут.

Я постучала, хотя понимала, что меня никто не услышит. Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, я убедилась, что Настя оказалась права: от меня, скорее всего, ждали перевода. В кабинете помимо Фридмана, Софьи и французов было еще несколько начальников отделов, включая и Сладкова. Мне вдруг стало жутко не по себе. Я боялась, что у меня вдруг закружится голова, или пересохнет в горле, или наступит тот самый ступор, который иногда находит на меня и не дает произнести ни слова. Но отступить уже поздно... Да я и не собиралась. Я никогда этого не делала. К тому же вот Борис Натанович заметил мое присутствие. Вот он приветливо улыбнулся и пригласил войти. Вот я иду на ватных ногах, чуть заметно кивая присутствующим.

щим. Подхожу к креслу, отведенному специально для меня, – рядом с Фридманом, сажусь... И замираю на полпути к креслу, поймав равнодушный взгляд пары настороженных темных глаз.

– Элина, знакомьтесь. Леонард Марэ, надеюсь, наш будущий деловой партнер.

У вас когда-нибудь было настоящее дежавю? Если да, то вы, наверно, поймете меня. Это действительно сложно объяснить. Только обычно это связано с какими-то действиями, словами, жестами: я уже проходила по этой самой дороге мимо этого самого дома; ко мне уже подходил этот человек, одетый в эту странную куртку; ты уже говорил мне это в этой же самой обстановке...

В тот день, в тот час, в ту минуту я смотрела на человека, который был для меня совершенно чужим. Но его лицо, его взгляд не смог ввести меня в заблуждение. Я знала его. Я видела его раньше. Я даже разговаривала с ним – я поняла это сразу же, как только он сухо поприветствовал меня. И я, кажется, вспомнила...

Около пяти лет назад. Международная конференция по глобальному потеплению. Я работала волонтером и по совместительству переводчиком, потому что никак не могла найти работу после института. Конференция проходила под эгидой ООН. Вообще-то, на нее было очень сложно попасть – мне повезло, потому что остались кое-какие связи с факультета международных отношений (преподаватель, который руководил моей дипломной работой, занимал не последнюю должность в МИДе). До этого я никогда не видела столько дипломатов и других важных персон со всего мира. Да, пожалуй, и после тоже. Я вертелась как белка в колесе на протяжении двух недель. Хотя конференция длилась всего несколько дней, нужно было всех встретить, разместить, а потом проводить и все это оформить должным образом. А, ну конечно, и запротоколировать. Поэтому я не помню всех подробностей. Но *его* я запомнила. Причем очень хорошо. Ему тогда было лет двадцать семь – двадцать восемь. Мне двадцать три. Я не запомнила его имени – его представил человек, который плохо говорил по-английски. Человек сказал, что это сотрудник ООН по конфликтным ситуациям – что-то вроде того, что он был в Ираке и других горячих точках. У меня на лице всегда написаны все чувства и эмоции. Боюсь, я не смогла скрыть восхищения. Его взгляд оставался равнодушным, и думаю, он был совсем не рад, что какой-то незнакомый человек презентует его как музейный экспонат. Он показался мне довольно привлекательным, хотя в его лице было одновременно что-то отталкивающее и интригующее. Но, в общем, это было не так уж и важно: ООН и Ирак затмили все остальное.

И вот он сидит передо мной.

Сначала я не поняла, узнал ли он меня. Вряд ли. Это ведь было так давно, и встреча была, скорее, мимолетной, хотя мы и пересеклись еще пару раз за те две недели. Он был весь в себе тогда. Да и сейчас тоже. Внешне он не сильно изменился – черты лица не погубели, не обрюзгли. Но появилось что-то в его взгляде, а может, и во всем его внешнем виде – какая-то изможденность. А может, мне всего лишь показалось?..

Переговоры продолжались. Я сидела рядом с Фридманом, почти напротив *него*. Он слушал внимательно, не отводя глаз от собеседника. Отвечал кратко, почти неохотно. Казалось, что он не рад своему присутствию здесь, как будто ему это в тягость. Время от времени я бросала взгляд в его сторону. На какой-то миг наши взгляды встречались – как бы невзначай. И в одну из таких встреч я поняла, что он помнит меня. Думаю, ему было совершенно все равно, где мы виделись, кто я такая и что думаю о нем, но время от времени в его глазах появлялась задорная искра, которая моментально гасла, а по губам скользила едва заметная усмешка. Впрочем, все это могло быть и плодом моего больного воображения – я ведь уже поняла, что процесс пошел: я подхватила вирус *со странным французским именем – Лео*.

Глава 3

Вы знаете, что такое круговорот? Если вы никогда в него не попадали, то вам будет трудно объяснить это. Последующие два месяца я провела в настоящем круговороте, который не давал мне ни дня для передышки. Мы тесно работали с французами, обсуждая перспективы. Близился тендер. Насколько я знала тогда, «Марэ Сосьете Фармасьютиклс», или сокращенно «МарСо», как они все называли компанию, была создана в годы Второй мировой войны для оказания первой помощи раненым, больным, лишенным крова людям. Основал этот мелкий семейный бизнес прадедушка Лео. Он и не мечтал, что в один прекрасный день эта лавочка перерастет в большой бизнес, который завоеует не только французский рынок, но и выйдет за пределы Европы. Со временем, под руководством деда, а после него – отца Лео, небольшая аптека «Марэ и сын» превратилась в маленькую фирму по продаже и распространению простых лекарств, потом фирма расширила деятельность, получила лицензию на производство препаратов, открыла лаборатории, заработала основательный капитал и вышла на мировой рынок. Теперь филиалы «МарСо» были почти во всех странах Европы, а в ближайшем будущем должны были открыться заводы на Ближнем Востоке и в Северной Африке. И вот они нацелились на Россию. Но меня больше всего заинтриговало то, что до самого недавнего времени всем заправлял отец Лео. Только год назад руководство перешло в руки Марэ-младшего.

Я вспомнила ООН и Ирак. Значит, он совсем недавно бросил свою прошлую работу. Интересно, почему? Я довольно часто задавала себе этот вопрос. И мне очень хотелось задать его Лео. Мы общались почти каждый день – неудивительно, я была единственной, кто хорошо говорил по-французски. В основном по рабочим вопросам. Он не был многословным. Никогда. А тогда особенно. Иногда меня это даже пугало – я не могла понять, о чем он действительно думает, когда разговаривает с собеседником. Казалось, его мысли заперты на замок ото всех.

Так продолжалось несколько месяцев. Пока не грянул гром.

В тот день я осознала, что почти никогда за всю свою жизнь не совершала безумных поступков. Я даже помню, как кто-то сказал мне: «Такая жизнь скучна. Нечего будет вспомнить...» Я только посмеялась в душе. И, наверно, зря.

Завершилось очередное совещание (а они проходили почти ежедневно), атмосфера в конференц-зале, казалось, накалилась до предела. После первого часа обсуждений они сняли пиджаки. После второго – за пиджаками последовали галстуки. Я боялась, что после третьего они расстегнут рубашки, а после четвертого... Признаться честно, французам лучше удавалось сохранять спокойствие – по крайней мере, внешне. Лица наших мужчин в разгаре обсуждений приобрели багрово-красный оттенок. А один из наших менеджеров так кричал и жестикулировал, что я всерьез опасалась, что с ним случится удар. Странно было наблюдать за этим: я думала, это французы должны кричать и жестикулировать. Суть была в том, что сейчас им не нужно было к этому прибегать, ведь они не были так заинтересованы в этом сотрудничестве, как мы. Я знала, что все наши руководители из кожи вон лезли, работая над презентацией проекта. Работать над созданием препарата совместно с французской лабораторией, зарекомендовавшей себя не только в Европе, но и за ее пределами, это означает получить доступ на международный рынок. Ради этого можно было лезть из кожи. Но к каким средствам они прибегнут ради осуществления подобного проекта, я могла только догадываться.

Я не знаю, сколько часов продолжалось обсуждение, но когда кому-то пришлось в голову сделать паузу, я чуть не вскрикнула от счастья. Стоило выбежать из душного зала только ради глотка свежего воздуха в приемной и стаканчика воды из кулера. Я присела на диван рядом с кулером, отчаянно надеясь, что никто не подойдет ко мне и не нарушит долгожданного оди-

ночества. Но стоило закрыть глаза, как я поняла, что моей мечте не суждено сбыться: кто-то тоже захотел воды из кулера. Медленно открыв глаза, я увидела Леонарда Марэ.

– Жестко? – спокойно спросил он.

На протяжении всех переговоров меня поражало выражение его лица. Если к его коллегам было применимо спокойствие, то к нему – ледяная невозмутимость. Я не знаю, почему, но мне вдруг до боли захотелось узнать причину такого поведения.

– А вам так не показалось? Вы уверены в исходе дела, не так ли?

– С чего вы взяли?

– Вы очень спокойны – как будто наперед знаете, чем все закончится.

Он повел плечами (чисто галльский жест) и сел на диван рядом со мной.

– Понятия не имею, – ответил он. – Неужели я произвожу такое впечатление?

– Да, производите. Впрочем, думаю, для бизнеса это неплохо.

Он хмыкнул.

– Вы так хорошо разбираетесь в бизнесе?

– Это, скорее, предположение, основанное на логике и наблюдениях. А вы не согласны?

– Не могу сказать, что я хорошо разбираюсь в бизнесе.

– Не верю.

– Ваше право. Но я не вру. Я совсем недавно занимаюсь этим... делом.

– Я слышала. Господин Фридман упоминал, что вы недавно сменили своего отца на посту директора.

– Они ожидали, что приедет мой отец, не так ли?

– Не уверена. Но думаю, да.

– Они разочарованы?

– Не знаю... Почему вы спрашиваете об этом меня?

– Вы же приближенное лицо.

– К кому?!

– К господину Фридману.

– У него куча помощников и советник. А еще заместитель. С какой стати он будет приближать меня?

Меня возмутили не столько вопросы, сколько его тон. Он как будто решил допросить меня с определенной целью. Парадоксальным было то, что он выбрал не того человека. Уверена, многие бы с радостью проинформировали его о положении дел. Но только не я.

– Думаю, вы обратились не к тому человеку, месье Марэ. Я не могу вам ничем помочь.

Он усмехнулся, как будто я сказала чушь, а потом вдруг стал еще серьезнее, чем был.

– Может, перейдем на ты? Глупо притворяться, что мы не знакомы.

– А разве мы знакомы? – я постаралась изобразить самое неподдельное удивление, какое только смогла.

– Конференция по глобальному потеплению. У меня хорошая память на лица.

– Я помню, что вы там были. Но разве это можно назвать знакомством?

– Как угодно. Но видите, жизнь дает второй шанс, Элина.

От того, как он произнес мое имя, мне стало не по себе. Четко, проговаривая каждую букву, то ли смакуя, то ли чеканя с презрением. Мне показалось, что я впервые слышу свое имя звучащим вот так. А потом он улыбнулся. И я не могу сказать, что улыбка получилась неискренней. Я не знала, что ответить.

Положение спасла Софья, подойдя к нам. Мы перекинулись парой слов и продолжили совещание.

Этот раунд был за ним.

День за днем, совещание за совещанием. Я думала, этому не будет конца. Когда наступил последний официальный день переговоров, я начала терять чувство реальности. Как будто каждый день был «днем сурка», словно каждая фраза, которую я переводила для своих коллег, была сказана уже несколько раз вчера и позавчера. Помимо переводов я вела еще и протокол, который должна была резюмировать и выслать всем участникам встречи сразу после ее завершения.

Я уже допечатывала последние слова, когда резкий телефонный звонок заставил меня вздрогнуть.

– Алло...

– Вы выслали протокол? – прогремел, нет, точнее, проскрежетал противный голос Сладкова.

– Высылаю.

– Быстрее. Сколько можно ждать?!

Я бросила трубку, едва не разбив телефон. В эту минуту я его ненавидела. Осознав всю глубину отвращения, я, наверно, должна была бы содрогнуться, но в тот момент мне было не до того. Допечатав, проверив и прикрепив файл со злосчастным протоколом, я нажала «Отправить». С робкой, но вожаделенной мыслью: «Неужели можно наконец-то вздохнуть...» – я откинулась на спинку кресла. Голова гудела, в ушах звенело, я поняла, что невероятно устала. Я не могла вспомнить, когда испытывала подобное напряжение. Я знала, что это только начало, впереди еще очень много переговоров и презентаций, но этот первый лихорадочный этап, кажется, завершен. Я всегда отдавала много сил работе, это не было в новинку. Но сейчас все значительно усложнилось. Я, конечно, гнала от себя эти немилосердные мысли, я не хотела признаваться себе в том, что мне не все равно, что Леонард Марэ постоянно находится рядом, но почему-то каждый раз, когда я пыталась отвлечься или переключиться на кого-то другого или что-то другое, я всегда встречалась с ним взглядом или слышала где-то рядом его голос. А сейчас, сидя в кресле, я боялась, что, закрыв глаза, я увижу его лицо...

Меня резко выдернули из этого странного состояния, граничащего с коматозной эйфорией. Сладков распахнул дверь так, что она со всей силы ударилась о косяк.

– Что вы написали в этом протоколе? Вы хоть проверили информацию?! – О чем вы?

– Как о чем? О дате! Мы не назначали никакой финальной даты для подписания договора.

– Как... мы же остановились на восемнадцатом...

– Мы не останавливались на восемнадцатом! Мы всего лишь обсуждали это как возможность.

– Извините, Игорь, но кроме этой даты никакой другой предложено не было. Французы предложили именно ее, а господин Фридман согласился. Никто не возражал. Если это означает, что она не была утверждена, мне очень жаль, но я этого не поняла.

– Не поняли? Вот именно – не поняли! Зачем вы тогда вообще за это взялись?

– Что происходит?

Это была Софья. За ней, возвышаясь, стоял Леонард Марэ с какой-то папкой в руках.

– Ничего, – отрезал Игорь. – Я просто прочитал протокол и понял, что там совершенно неактуальная информация.

– Но как... почему вы так решили?

– Софья Леонидовна, вы читали? Я не помню, чтобы мы утвердили финальную дату. Ничего еще не решено.

Сладков перешел на английский, когда понял, что Лео слушает их разговор. Он не мог упустить шанс козырнуть своим «калифорнийским» акцентом.

– Я не могу сказать, я еще не прочитала протокол, но...

– Я прочитал протокол.

Нельзя сказать, что Лео грубо прервал Софью, но оба сразу замолчали. Я в недоумении переводила взгляд с одного на другого, пока не остановилась на Лео. У него был совершенно спокойный, бесстрастный вид.

– Я успел прочитать протокол. По-моему, все передано точь-в-точь. Я не знаю, кто его составлял, но с нашей стороны никаких замечаний нет.

– Одну минуту, месье Марэ, – начал Сладков. – Я уверен, что господин Фридман...

– Мы уже обсудили это с господином Фридманом. У него тоже нет никаких возражений.

Сцена получилась немая. В этот раз Сладкову было нечем крыть. Было смешно смотреть, как он пытается что-то выдать из себя – мне кажется, он даже покраснел. А потом, сильно сжав кулак, он резко развернулся и скрылся у себя в кабинете.

– Это вам – на проверку. Документы. Пока предварительные. Месье Фридман их уже видел.

Положив папку прямо передо мной, Марэ ушел.

– Не обращай внимания на Игоря – у него нервишки пошаливают, когда жареным пахнет. – Софья улыбнулась и оставила меня наедине с моими мыслями.

Я, наверно, несколько минут неподвижно сидела, удивленно уставившись в папку. В голове крутилось одно-единственное слово – «зачем?». Марэ не успел прочитать протокол за такое короткое время. И тем более не мог обсудить его содержимое с Фридманом. Это было предельно ясно. Но зачем он так сказал? ЗАЧЕМ?

Был уже одиннадцатый час, когда я покинула офис. Там уже почти никого не осталось. «Ну и хорошо», – думала я. В тот момент я чувствовала себя настолько опустошенной, что любой посторонний звук, голос, а тем более упрек мог бы окончательно добить меня. Я нажала кнопку лифта, надеясь, что все уже давно уехали по домам, что я больше никого не встречу сегодня. Но когда двери лифта раскрылись, я увидела того, кого меньше всего ожидала увидеть. Там стоял Женя. Уставший и немного измученный. Почти такой же, как я.

– Вот это да... Ты заночевать решила?

Не настолько он оказался усталым, чтобы не позвонить. Я решила ответить тем же.

– Как и ты, я смотрю?

Двери захлопнулись. Мы поехали вниз.

– Элин, а если честно, какого рожна ты каждый день торчишь здесь до ночи? Ты на меня не смотри – я еще тот фанатик, ты же меня знаешь. А с тобой вот явно что-то не так.

– Да брось, Жень, все со мной так. Ты же знаешь, у нас французы, все на головах ходят, пытаюсь заполучить их в партнеры. Все соки выжимают.

– Вот пусть из себя и выжимают. Тебе-то это зачем?

Лифт остановился. Мы вышли и медленно побрели через холл к выходу.

– Элин, серьезно, тебе, может, работу поменять? С твоим руководством хорошего не жди.

– Жень, ты не понимаешь...

– Да что я не понимаю?! Ты сама говорила, что у тебя начальник псих.

– Только один. Остальные нормальные.

Женька тяжело вздохнул.

– Не знаю... Тебе, конечно, решать, но думать надо больше о себе. Ты можешь здесь хоть день и ночь сидеть, они этого не оценят.

– А я не для них делаю.

Я знала, что он был прав, но не хотела вступать в бессмысленную полемику. Мне нравился Женька, я знала, что он говорил от души. Он все делал от души. Именно поэтому я не хотела все портить.

– Ладно, я пойду. Очень устала.

– Да, я тоже.

– Пока?

– Пока.

Я двинулась к выходу, когда он вдруг снова окликнул меня.

– Элин, я видел этих французов. Мне кажется, еще те козлы. Не доверяй им.

На это я ничего не ответила, распахнув дверь навстречу пронзительному ночному ветру.

Глава 4

Видимо, в тот день французам решили продемонстрировать всю мощь русского веселья и гостеприимства, к тому же был повод – день рождения Софьи. Думаю, она сама не была в восторге от этой идеи. Мало кто был бы рад оказаться на ее месте. Но отдел маркетинга постарался на славу. К счастью, без меня. Когда я приехала в офис (было около полудня, поскольку я задержалась в банке по поручению Фридмана), везде порхали разноцветные шарики, маленькие столики были сплошь заставлены бутербродами и вазочками с ветчиной, красной рыбой и, конечно, икрой. Шум повысился на несколько децибелов, кто-то даже негромко включил музыку. Я еле нашла Настю во всей этой суматохе.

– Что тут происходит? Хотят закатить пир горой?

– Да! Причем прямо сейчас.

– Да ладно. И их не волнует, что французы подумают?

– Видимо, как раз это их и волнует. Точнее, его. Элин, – она подошла ко мне поближе и понизила голос, – такое чувство, что Сладков совсем с катушек слетел. Может, от него баба ушла? Очередная...

– Замолчи, а то еще услышит...

Она не сдержалась и прыснула от смеха.

– Он сейчас ничего не услышит, если это сказано не по-французски. Ты бы видела, как он вокруг старикана вертится.

– Какого старикана?

– Ну тот с бородкой, полуседой.

– А, Жерар Буке, кажется. А зачем он ему? Он ничего не решает.

– Он говорит, что все финансы в его руках. Типа он как регент при молодом принце. Ты слышала, какой бред?

– За соломинку хватается.

– А ты бы видела, как Марэ на него посмотрел – с таким презрением. Он, наверно, хохочет в глубине души, глядя на это.

Я сомневалась, мог ли Марэ вообще хохотать. Не могла представить его смеющимся. Но я согласилась с Настей. Я часто ловила его взгляд, когда он был обращен на кого-то другого. Всегда равнодушный, холодно-отчужденный и презрительный. Я думаю, либо ему было все равно, либо он презирал многих из своего окружения настолько, что даже слова были лишними.

День был не рабочим, а вечером начались бурные поздравления. Софье купили подарок – огромный букет цветов и большую антикварную шкатулку, которая – я была уверена – была ей совсем не нужна. Конечно, ее врожденная интеллигентность не позволила показать это, но выражение лица сказало мне о многом.

Почти весь вечер мы с Лео не сказали друг другу ни слова. Нет, мы не избегали друг друга, не отводили глаз, просто играли свои незатейливые роли: если нас что-то и связывало, то исключительно деловые отношения, а на вечеринке деловым людям говорить не о чем, кроме погоды и футбола. Сначала он стоял в стороне, лишь время от времени перекидываясь парой слов со своими коллегами. Один раз он подошел к Фридману и что-то быстро сказал ему. А в другой момент я случайно поймала на себе его взгляд – в общем-то, такой же, как всегда, но мне показалось, что на этот раз в нем было чуть меньше безразличия.

Я помню, как в разгаре всеобщего веселья у меня завибрировал телефон. В поисках наиболее тихого места я забралась в кладовку с канцелярскими принадлежностями. Только захлопнув дверь, я смогла расслышать, кто звонит. Это мама спрашивала, смогу ли я завтра встретить в аэропорту тетю Нону (это была не совсем родственница, но в нашей семье ее почему-то всегда называли именно так). Я обещала, что очень постараюсь и, отключив телефон, распахнула дверь... и чуть не налетела на Сладкова. Он был пьян. Сильно пьян, судя по цвету его лица и выражению глаз. Мне вдруг сразу стало жутко от догадки, почему он игнорировал меня весь день и весь вечер. Он выжидал.

– Элиночка...

Его язык заплетался. Я пыталась отодвинуть его, чтобы выйти и убежать, но тут поняла, что он схватил меня и заталкивает обратно в кладовку. В тот момент я действительно испугалась – то ли оказаться запертой в тесном и темном помещении с недостатком воздуха, то ли того, что он может позволить себе... Я осознала, что, скорее, боюсь последнего, когда он стал шарить руками по моему телу, а его жадный рот пытался найти мои губы. Мне казалось, что я даже не могу кричать, потому что любой крик растворялся в этой тесной темноте, не успев вырваться... Изо всех сил я попыталась закричать, но у меня вырвался лишь сдавленный всхлип.

Поэтому когда кто-то резко дернул ручку и распахнул дверь в кладовку, я несколько секунд не могла осознать, что я больше не пленница. А потом кто-то резко встряхнул Игоря, схватив за ворот помятой, полумокрой рубашки, и со всей силы, как мне показалось, толкнул о стенку. Только когда я услышала пару нецензурных слов по-французски, до меня дошло, что это Лео. Игорь был раза в два здоровее, но когда Лео еще раз встряхнул его, я поразились силе, с которой он это сделал. Я буквально замерла на месте: я стояла и смотрела, как Лео чуть ли не душит Сладкова прямо здесь, на моих глазах. И я никак не могла определиться, что мне делать – радоваться, что он оказался здесь в этот самый миг, или умолять его перестать душить Игоря и просто отпустить.

– Мразь... Ублюдок...

– Перестань, пожалуйста, отпусти его!

До него как будто тоже не сразу доходил смысл происходящего, он будто не слышал, что я ему говорю. Нет, кричу. Потом он все-таки отпустил его, и тот буквально уполз прочь, проклиная нас обоих, назвав меня французской шлюхой, а его спесивым ублюдком. Но он ушел. Мы просто стояли молча, прислонившись к холодной стене, и глубоко дышали. А потом он взглянул на меня, провел рукой по моей горячей щеке и ушел.

Вечером я позвонила своей лучшей подруге Кате.

– Элин, прямо детектив какой-то... Они там вообще адекватные?

– Иногда начинаю всерьез сомневаться... Временами кажется, что это вовсе не сотрудничество, а противостояние – кто кого.

– Да, главное – не оказаться между ними в самый неподходящий момент. А ты, насколько я знаю, в этом мастер...

Глава 5

– Давай сегодня поужинаем вместе.

Все это было преступно. Сидеть вдвоем вот так молча за одним столиком в кафе за углом бизнес-центра, в котором находился наш офис. Смотреть в глаза. Молчать или говорить о чем-то – неважно. Если бы кто-то из моих коллег увидел нас в тот момент, он мог бы подумать, что я сливаю коммерческую тайну. Пусть мы должны были вот-вот стать официальными партнерами, тем не менее, мы еще ими не стали. К тому же огромное количество информации не подлежало разглашению. В какой-то степени, общаясь с ним, я ходила по тонкому канату,

протянутому над бездной. Я заставляла себя анализировать каждое слово, которое собиралась произнести. Даже тогда, в дружеской беседе... Да, мы сидели за одним столиком в кафе за углом и просто болтали. Не как друзья – мы никогда ими не были, и я чувствовала – не будем. Но в тот день разговор шел как-то на удивление легко.

И вот он предложил поужинать... Почему нет? Я имею право распоряжаться своим временем, как душе угодно. К тому же мне было интересно. До этого все наши разговоры сводились к работе, вся наша деятельность – к моим переводам и их обсуждениям. Не было ничего плохого в том, чтобы вместе поужинать и поговорить для разнообразия о чем-то другом. Но почему же меня не покидал малодушный необъяснимый страх, засевающий где-то глубоко?..

Мы пошли в *Carre Blanc*. Я была немного удивлена. Думала, что он поведет меня в более пафосное место. Этот ресторан оказался попроще, но не хуже, чем многие известные, популярные среди иностранцев заведения. Атмосфера царила непринужденная. Мы ели, пили, болтали. Формальность ушла: мы общались как старые знакомые, которые не виделись лет сто, и вдруг случайно их пути пересеклись в самом неожиданном месте. Было легко. Когда он говорил, я не смотрела ему в глаза все время, как часто бывает, когда чувствуешь важность встречи, пытаешься поймать каждое слово, каждый жест собеседника. Я ловила его слова, как будто со мной говорил человек, которого я хорошо знаю, то мимолетно улыбаясь, то строя непринужденные гримасы. Время от времени я оглядывалась по сторонам, украдкой бросая взгляд на других людей, которые так же непринужденно проводили время за бокалом божоле или просто сидели молча напротив друг друга, изучая черты, цвет, запах... Я поняла, что подсознательно делаю то же самое. А ведь у меня была масса времени и море возможностей на работе... Но сейчас все было по-другому, и что-то в глубине души робко подсказывало, что так теперь будет всегда. Мы больше не вернемся назад к простой формальности. Мы перешли черту.

Дождя так и не было, когда мы вышли из ресторана. В лицо дул свежий мартовский ветер. В воздухе разлилась какая-то умиротворенность, которая буквально оглушала после бурного рабочего дня, сбивала с ног, так что казалось, даже падение не причинит боли. Благо я хорошо знала центр Москвы. Мы пешком дошли до его гостиницы. Он потащил меня в бар выпить коньяку. После двух порций я собралась уходить. Он проводил меня до дверей и вместо «пока» произнес:

– Боишься?

До меня не сразу дошел смысл этой фразы. Возможно, под действием коньяка разум слегка притупился. Боюсь ли я? Да чего мне бояться? Кого?.. Моя улыбка в миг сошла на нет, когда я взглянула на него – в его глазах я увидела вызов. И не шуточный, а самый настоящий, наглый и провокационный вызов. Как будто его глаза кричали: «Слабо? Я точно знаю, что слабо...»

Швейцар все еще держал для меня дверь.

– Мадам?..

– Нет, мадам не идет, – ответил он по-французски.

Нет, я не иду...

Глава 6

Месяц спустя

Я быстро взлетаю по ступенькам, швейцар в ливрее открывает мне двери, я залетаю в роскошный холл отеля и, даже не озираясь по сторонам, как будто у себя дома, иду прямо в лобби-бар. Боковым зрением ловлю мимолетные взгляды, но не реагирую на них. Мне все равно. Потому что мне должно быть все равно. Вот менеджер ненавязчиво кивнул мне в знак

приветствия – он всегда так делает, когда видит меня здесь. Неудивительно – теперь я здесь частый гость. За эти почти два месяца отель стал для меня вторым домом. Иногда мы приходим сюда вместе с Лео, потому что у него назначена здесь очередная встреча с незнакомыми мне людьми. Иногда я прихожу одна после работы, потому что он освободился раньше и ждет меня в баре. Мы выпьем по рюмочке коньяка или мартини, а потом идем куда-нибудь. Возвращаемся поздно вместе, поднимаемся в его номер, а утром уходим – я, как правило, раньше. Но бывает, и вместе. В тот момент, когда мы проходим мимо портье или менеджера, я стараюсь делать вид, что это нормально. Я словно выхожу из своего тела и наблюдаю за собой со стороны – без упреков и осуждения. Как-то раз какая-то пожилая пара замешкалась в дверях и позади них я увидела наше отражение в зеркале. Мы стояли очень близко друг к другу, безмятежно улыбаясь, как будто мы никуда не спешим и ни от кого не бежим. Мы были просто парой без прошлого и будущего – сейчас, в данный момент. Как будто все остальное не имело значения.

А как было на самом деле? На самом деле, компания Лео все еще находилась на пороге заключения сделки с нашей фирмой, а я была его переводчицей на работе и любовницей до и после нее. Ситуация веселая, честно говоря. Каждый день, идя на работу, я осознавала это и боялась, но старалась не думать. Я знала, что, начав анализировать и оценивать сложившуюся ситуацию, я начну осуждать себя, третировать, не спать ночами, изобретая поводы для срочного разрыва, причины для спонтанного отъезда или еще что-нибудь в этом роде. Поэтому я гнала эти мысли прочь, пока они окончательно не взяли надо мной верх. В каком-то смысле я скользила по лезвию ножа. Банально, но правда. И хотя я ни в коей мере не могла предугадать такие последствия, в глубине души я чувствовала, что ступила на очень зыбкую почву. Дороги назад не было, впереди – только обрыв. А я затаила дыхание и продолжала идти.

– Мадемуазель Эдельман! Наконец! Мы всегда ждем вас с нетерпением.

– Я надеюсь, что не заставила вас ждать слишком долго, месье Ришо.

– Нет, я научился терпению. А вот месье Марэ, боюсь, еще нет...

Лео и его гость встали, когда я подошла к их столику. Ришо был очень милым французом средних лет. Зачем он приехал в Москву, я плохо понимала – как турист или по делу. Кажется, даже Лео этого не знал. Но он был другом семьи и старым партнером Марэ. Будучи в восторге от нашей столицы, он умолял погулять с ним несколько дней по центру и показать «самые достопримечательные достопримечательности». Ему было невозможно отказать, хотя гид из меня не очень. Лицо Лео не покидала недовольная гримаса, когда мы ходили по Арбату, Манежной, Никольской, заворачивали в переулки, жалели, что завернули, ели мороженое в ГУМе и даже пытались пошутить с полицейским, который попросил показать документы. Когда мы прощались часов в одиннадцать, довольный, как ребенок, Ришо возвращался к себе в гостиницу, а мы шли к себе. Точнее, к Лео.

– Какая у нас программа на сегодня? – спросила я.

– К сожалению, сегодня программы нет. Я вынужден уехать в Санкт-Петербург. Меня там знакомый ждет... Да, да! Не удивляйтесь, мадемуазель. Нынче все французы собираются в России. Если честно, эта необыкновенная страна нас всегда привлекала. Разве нет, Леонард?

– Только избранных, пожалуй.

– Вы не считаете себя таковым?

– А я должен?

– Хм... Ваш отец всегда считал.

– Не сомневаюсь.

– Что ж, было очень приятно пообщаться с вами.

Ришо откланялся.

– Приятный господин.

– Это только с первого взгляда. Узнай ты его поближе, не была бы в таком восторге.

- Ты сейчас говоришь, как настоящий француз.
- Я и есть настоящий француз. Ты ожидала чего-то другого?
- Нет. Просто иногда стереотипы оживают...

Он закатил глаза и промолчал. Он всегда так делал, когда не знал, что ответить.

- Что в компании?
- Все по-прежнему. Готовятся к основной встрече. Ты будешь там?
- Не знаю. Скорее всего.
- Ты думаешь, все получится, Лео, сделка состоится?

Мы присели на лавочку на Никольской улице. Погода была великолепная – теплая, мягкая. Он ответил:

– Фактически никаких препятствий я не вижу. Фридман мне нравится. Но есть другие, которые могут заставить его передумать.

– Но он главный! И потом, именно он ведет этот проект от начала до конца. Что может помешать, если есть желание?

– Подводные камни есть везде, Элина.

Он посмотрел на меня – в его глазах сквозила улыбка, хотя он почти никогда не улыбался.

Я ответила:

- Ладно. Завтра все будет ясно.
- Пойдем? Уже поздно. Я хотел показать тебе кое-что. Переведешь пару страниц?
- Пару? Или пару десятков?

Мы встали и не спеша пошли к гостинице. Я, конечно, шутила. Да, я переводила ему кое-что. Даже не всегда по работе. Так, разные тексты в общих чертах, чтобы быть в курсе. Когда мы были вдвоем, мы старались не говорить о работе. Я не хотела, чтобы это выглядело как служебный роман, ведь, по сути, мы даже не были коллегами. Может быть, когда-нибудь... Ну и пусть. Главное – не сейчас.

На следующий день, как только я пришла в офис, меня сразу же вызвал Фридман.

– Элина, у нас большие проблемы.

За все время работы в компании я ни разу не слышала слова «проблема» из уст Бориса Натановича. Вывод: если он это произнес, значит, произошло что-то действительно серьезное.

– Вадима срочно отправили в командировку завтра утром. Вылетает сегодня вечером.

Вадим – это Вадим Ярославович, вице-президент, тот самый, кто должен был представлять нашу компанию на бизнес-конференции, которая должна была состояться завтра в гостинице *Radisson Blue*. Участниками были такие же организации, как наша, претендующие заполнить зарубежного партнера. Все понимали, что эта конференция очень много для нас значит.

- Кто будет вместо него? Вы? Или Софья Борисовна?
- Мы не можем, – сказала Софья. – Мы будем в другом месте, Элина.
- А да, конечно, помню... Совещание с председателем холдинга.
- Придется коммерческого директора направить.
- Да, Сонь, только у него с английским не очень.
- Станислав? Он вроде говорит по-английски... – заметила я.

– Да, говорит. Но не совсем так, как нужно бы... Элин, все материалы, которые у Вадима были, все на английском. Нужно перевести хотя бы самое основное и небольшую презентацию составить – для Стаса. Ну ты понимаешь, чтобы он лучше сориентировался.

– Да, понимаю. А когда он с ней ознакомится? Совещание завтра с утра...

– Да. Как-нибудь... – Борис Натанович задумчиво потер подбородок. – Сможешь ему на почту часов в шесть выслать? Я думаю, он справится... Хотя, если честно, я сомневаюсь...

На пять минут повисла пауза. Борис Натанович молча смотрел в одну точку, как будто пытался разглядеть там ответ. Софья Борисовна тяжело вздохнула.

– А... это важно, кто именно поедет? – говорю я. – В смысле обязательно Стас?

– Да нет, но кто еще? Кто сможет? У Стаса хоть какой-то дар красноречия есть.

– А если я?

– Ты?

– Да...

Оба моих босса недвусмысленно переглянулись.

– Ты ведь полностью в теме?

– В общем, да. Я могла бы быстро составить план выступления, презентацию... А всей основной информацией я и так владею.

– Борь, а может, так и сделаем? – спросила Софья.

– Элина, я думаю, ты хорошо представляешь, что зависит от завтрашнего выступления.

– Да, Борис Натанович, очень хорошо.

– Мы тебе всегда доверяли.

– Я знаю.

– Я думаю, ты не подведешь. – На его сосредоточенном лице медленно расплзлась улыбка.

– Не подведу.

На конференцию мы с Лео приехали на его машине.

– Ты что, нас не должны видеть вместе!..

– Кому какая разница? Ты думаешь, кто-то заметит? Там люди о другом думают.

Я не стала препираться – после бессонной ночи мне совсем не хотелось ехать на метро. Кандидатов было больше, чем я думала. Когда мы вошли в конференц-зал (не вместе, друг за другом), я сразу же ощутила атмосферу состязаний. Все эти представители фармацевтических компаний готовы были из кожи вылезть, чтобы заполучить себе иностранного партнера и участвовать с ним в совместном проекте. Неудивительно: это и деньги, и поддержка, и возможность заработать международную репутацию. Все этого хотят. Только французы сохраняли хладнокровие. Лео присоединился к своим коллегам. Я заняла место за круглым столом. Я засекала время на часах. Пошел обратный отсчет...

Через два с половиной часа все закончилось.

– Как ты думаешь? Что будет теперь? – поинтересовалась я.

Мы с Лео выходили из гостиницы *Radisson Blue* после завершения конференции.

– В смысле что скажет Фридман?

– И не только! Если я сказала что-то не так, он...

– Ты смеешься! Ты вообще слышала выступления других?

– В пол-уха. Никак не могла отойти от своего.

– Ха-ха... А стоило бы. Несли полную чушь.

– Лео, ты специально так говоришь.

– Я никогда ничего не говорю просто так, если ты еще не поняла.

– Ты хочешь сказать, что все нормально? У нас есть шансы? – я состроила ему гримаску и взяла под руку. – Или, может, кто-нибудь из них произвел на тебя настолько сильное впечатление, что ты передумаешь насчет нас?

– Что ж, определенно, надо подумать... – ответил он, сопроводив это похожей гримасой. – Не боишься больше?

– Чего?

– Вот этого, – он показал на мою руку в своей руке. – Мы отошли недостаточно далеко.

Я зарычала и стукнула его по локтю.

– Змей! Ехидный и коварный...

Мы сели в машину, продолжая смеяться.

– Элина, это триумф!

Борис Натанович почти заключил меня в объятия, как только я закрыла за собой дверь.

– Я уже в курсе. Ты просто супер – все сделала как надо. Я не думаю, что Стас – и даже Вадим! – справились бы лучше. Давайте откроем шампанское!

– Борь, а не рано? Официально о решении объявят только завтра, – засомневалась Софья Леонидовна.

– Сонь, ну все же и так ясно! Что им еще нужно?

– Да я согласна с тобой на сто процентов. Давай – мне тоже.

– Элина? Никаких отказов.

– Борис Натанович, я думаю, Софья Борисовна права – давайте подождем до завтра.

– Девочки, ну вы вообще... Вы меня удивляете! Это будет совершенно новая компания.

Мы будем работать над совместными проектами – для наших специалистов это очень важно. Да и для нас тоже. Элина, появятся новые структуры, скорее всего, даже будем открывать представительство во Франции. Да впрочем, и без него командировки посыплются одна за другой. Ты будешь незаменима. Я же могу на тебя рассчитывать?

Я улыбалась ему – им обоим. Что тут можно было сказать?

Глава 7

Когда я пришла в офис на следующее утро, на столе меня ждала записка: «Срочно зайди к генеральному». Они уже должны были завершить сделку. Неужели что-то пошло не так? Меня сковало какое-то необъяснимое чувство внутреннего страха. Но нет, этого не может быть. С чего бы вдруг все поменялось? Не буду об этом думать... Я подхожу к кабинету Фридмана, уже готова открыть дверь, но останавливаюсь, слыша громкие голоса. Говорят на повышенных тонах. И совсем не от восторга. Прислушиваясь, я различаю голос Фридмана и визг Сладкова. Я красочно представляю, как он с пеной у рта пытается что-то доказать... Но потом слышу свое имя.

– ...Игорь, о чем ты говоришь? Она не может быть замешана ни в чем подобном...

– Не может?! Откуда вы знаете, Борис Натанович? Вы что, день и ночь пасете ее? А вот я пасу. И знаете – это принесло результаты. Если бы я не раскошелился на частного детектива, – заметьте, за свой собственный счет! – мы бы так и не узнали, чем она занимается.

– И ты опустил до такого? Кого ты нанял?

– Неважно. Важны результаты.

– Какие результаты? Я не верю ни одному слову.

– Ха! Словам можете не верить, а вот этому поверите.

Он кинул на стол папку. Или конверт. Я приоткрыла дверь. Фридман взял конверт и вынул фотографии.

– Ну и что это доказывает? Просто фотографии...

– Это не просто фотографии, Борис Натанович! Вы разве не видите? Она все время проводила с ним. Сопровождала, переводила документы, участвовала во встречах... Вам что, этого мало? Вы разве не понимаете, что это значит?

– Игорь, даже если у нее были какие-то отношения с ним, это ее личное дело. На работе они не выставляли это напоказ. На процесс это никак не влияло...

– Не влияло? По-вашему, то, что она сливала ему нашу внутреннюю информацию, никак не повлияет на нас?

– А у тебя есть доказательства?

– Да, есть. Не только эти фотографии. Хотя они, на мой взгляд, говорят о многом. Вот на это взгляните...

Он снова швыряет на стол какие-то бумаги. Фридман читает, не дотрагиваясь. Мне кажется, или его лицо побледнело?..

– Откуда это у тебя?

– В ее столе нашли.

– Ты что, рылся в ее столе?

– Ради такого дела я бы и не то сделал... Борис Натанович! Неужели вы не понимаете, что она шпионила для них, сливала ему все наши данные, нашептывая в постельке, а потом еще, возможно, продавала третьим лицам. Вы видите? Вы знаете, кто этот человек на фотографии? Крупный предприниматель. Он не первый год в России. Наверняка в сговоре с Марэ. А она... вы думаете, она наивная дура? Не-е-ет, я вас уверяю. Это еще та сучка! Думает, что если она трахается с этим французским пижоном, то получит полмира? Нет, не выйдет! И я надеюсь, вы услышали меня, потому что мне бы не хотелось, чтобы вы пытались защищать ее и выставили себя в невыгодном свете перед председателем холдинга.

– Если нужно будет, я позвоню ему...

– Я уже позвонил. И предоставил доказательства, которые его, в отличие от вас, сразу же убедили...

Что было дальше, я плохо помню. Помню только, что мне вдруг стало тяжело дышать. Я вроде никогда не страдала клаустрофобией, но сейчас мне казалось, что стены стали сжиматься, готовые сплющить меня. Я шла как будто на ощупь. Звуки вокруг превратились в странную какофонию. Это казалось абсурдным сном.

Как только я оказалась в холле, я достала телефон и набрала номер Лео. Но он не отвечал. Мне было необходимо поговорить с кем-нибудь. Жизненно важно. Я позвонила Кате – тоже длинные гудки. Что происходит? Что все это значит? Это какой-то нелепый и жестокий розыгрыш? Фотографии... откуда они взялись? Неужели он нанял кого-то, чтобы фотографировать нас с Лео? Но это же абсурд... Сливала информацию? Какую? Кому?.. Почему он это сделал? Почему? *Почему?..*

Я иду к лифту. Нажимаю на кнопку вызова. Потом на другую. Я не знаю, куда мне надо. Мне вообще никуда не надо. Я просто стою и жду. Лифт приехал, открылись двери, и я понимаю, что стою лицом к лицу с Лео. За ним целая толпа французов.

– *Salut!* Ты куда? Документы уже подготовлены?

– Не знаю. Нужно поговорить.

– Что, прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас!

Мы пропустили всех французов.

– Что-то случилось?

– Да. Случилось...

Он схватил меня за руку.

– Элина, в чем дело?

– Сладков следил за нами. Он обвинил меня в шпионаже для твоей компании.

– Что?!..

– Что слышал. Ты знал об этом? Знал, что за нами ходит какой-то урод, фотографирует нас? Знал?

– Ты в своем уме?

– Он сказал, что у него есть доказательства, что он нашел их на моем рабочем столе.

– Доказательства чего?!

– Того, что я сливала тебе всю нашу внутреннюю информацию, чтобы ты потом купил нас с потрохами за гроши.

Повисла пауза. Я видела, как он за секунду поменялся в лице.

– Подожди...

Он пошел куда-то. Я достала телефон, чтобы перезвонить Кате, когда из двери выскочила Настя.

– Элин, тебя Фридман зовет. Говорит, срочно!

Я захожу в кабинет и поочередно бросаю взгляд на каждое лицо собравшихся там людей. Фридман, Софья, Сладков, Новиков (замдиректора холдинга) и начальники юридического отдела и службы безопасности. Можно только догадываться, о чем каждый из них думает. Борис Натанович внешне спокоен, но взгляд бегающий; Софья даже не скрывает волнения; Сладков красный как рак – но, конечно, не от смущения или стыда, а от переизбытка эмоций, скорее всего, положительных. Странно, в кабинете тепло, даже, скорее, жарко, но мне кажется, что от каждого из них веет холодом.

Фридман заговорил первым. Все равно что зачитывал протокол. Он передавал тот рассказ, который я уже слышала, стоя за дверью. На этот раз он воспринимался немного по-другому: Борис Натанович явно подбирал слова, чтобы это не было похоже на обвинительный приговор. Надо признаться, в его интерпретации это звучало не так ужасно, как у Игоря. По крайней мере, в тот момент я не чувствовала себя шлюхой – всего лишь лгуньей и шпионкой.

– Элина, я... не требую никаких объяснений сейчас. Но я очень хочу, чтобы вы взглянули на эти документы и сказали мне, действительно ли вы работали с ними или видите их впервые.

– Борис Натанович, да вы издеваетесь! – взорвался Сладков. – Конечно, она будет все отрицать – что еще ей остается, как вы думаете?

– Игорь, помолчите, – он никогда не повышал голос, но его тон не оставлял сомнений. Так было и в этот раз. Не отводя от меня взгляда, он протянул мне документы.

Разумеется, я видела их впервые. И, разумеется, мне никто не поверит. Они избавятся от меня, он только этого и хотел. И нет смысла сейчас искать причину. Главное – он, кажется, добился своего. Но одно я знаю точно: я не унижусь ни перед одним из них. Окинув всех присутствующих спокойным и равнодушным взглядом, я сказала:

– Я никогда не видела эти документы раньше, мне их подбросили...

Глава 8

– *По статье?!*

Я держу в руках приказ о своем увольнении и не могу в это поверить. Настя смотрит на меня таким же непонимающим взглядом и просто молчит. Мне кажется, что все это происходит не сейчас и не со мной, – что это вообще не происходит, а всего лишь снится в кошмарном сне. Мне часто снились кошмары, но я понимаю, что они никогда не были такими, как этот. После моей пафосной тирады в присутствии всех заинтересованных лиц нашей компании я была уверена, что меня уволят. Возможно, тогда я еще не осознала, как это ужасно для меня, но понимала, что, судя по ситуации – какой бы абсурдной она ни казалась, – такой исход неизбежен. К тому моменту я уже твердо знала, кто и зачем хотел от меня избавиться; я знала, как легко и просто он подставил меня – или, точнее, как легко и просто подставилась я сама. Как ни горько было это осознать, это свершившийся факт. Подобно Скарлетт из «Унесенных ветром», я мысленно твердила себе, что жизнь на этом не заканчивается, что я подумаю обо всем этом завтра. Фридман даст мне хорошие рекомендации, и я устроюсь на такую же хорошую работу в другую компанию – возможно, даже в компанию-партнера или во французский филиал... Конечно, я хотела остаться здесь. Особенно сейчас, когда передо мной открылись большие перспективы, когда стали налаживаться международные связи, когда я так много смогла добиться... Но я не была такой наивной дурой, чтобы не видеть, насколько сильно Сладков хочет избавиться от меня. Да, это и правда ирония!.. Я смеялась над всеми, кто советовал мне ответить взаимностью на его неоднократные поползновения. *Глядишь – и повысят!* Не повысили. Уволили. Уничтожили.

И вот я смотрю на этот ничтожный листок бумаги, который горит у меня в руках, и вижу причину, черным по белому – «В соответствии со статьей 81 ТК РФ подпункта “в” пункта 6 части 1, работник может быть уволен за разглашение охраняемой законом тайны – государственной, коммерческой, служебной или иной, ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей...». Неужели можно разрушить жизнь человека просто потому, что ты не пришелся ему по душе? Неужели мало просто испортить ему жизнь – нужно уничтожить? *По статье?! По статье* увольняют за прогулы, пьянство, проступки, граничащие с преступными. Мое преступление заключалось в том, что я отказала одному мужчине и выбрала другого. В обоих случаях – неправильный выбор. И теперь из-за неправильного выбора рушится моя налаженная жизнь. Все случилось за один день. Всего один – и нет карьеры, нет перспектив. Когда я подписывала бумаги, у меня мелькнула мысль обратиться в суд: ведь у них нет прямых доказательств моей вины, они не смогут объяснить реальную причину моего увольнения, не опорочив себя. Но это тяжба, адвокаты, деньги, бессонные ночи, нервный срыв... Я имею представление об этом – одна моя хорошая знакомая прошла через такое. И осталась ни с чем. Нет, лучше я просто уйду. И гори оно все синим пламенем...

Я вошла в кабинет без стука – я подумала, что теперь я просто обязана так входить во все кабинеты этого офиса. Фридман поднялся мне навстречу, усадил меня в кресло напротив своего и предложил кофе с коньяком. Это теперь тоже было в порядке вещей – в дверь без стука и коньяк с начальником.

– Я знаю, что все, что я сейчас скажу, прозвучит как... – начал он. – Но я хочу, чтобы ты знала: если бы я хоть чем-нибудь мог помочь тебе, я бы это сделал. Не думай, что я ничего не вижу и не знаю. На самом деле, я ненавижу себя за то, что вижу, знаю, но ничего не могу исправить.

– Борис Натанович, послушайте...

– Нет, это ты послушай, Элина. Если бы это было в моей власти, сегодня был бы *его* последний рабочий день, а не твой. Но, к сожалению, а может, и к счастью, *там* он значит больше, чем я.

– Я знаю.

– Это еще не все. Я хочу, чтобы ты никогда не смела сомневаться в том, что ни я, ни Соня ни в чем тебя не обвиняем. И если тебе когда-нибудь понадобится помощь – любая, – ты всегда можешь на нас рассчитывать. Я дам любую рекомендацию...

– Борис Натанович, вы же прекрасно понимаете, что такое «волчий билет». Мне никогда не найти работу – никогда!

– Но почему ты думаешь, что на Москве свет клином сошелся? Помимо Москвы, помимо России есть много других интересных мест. Да, наша прекрасная страна огромна, но за ее пределами тоже есть мир. Не забывай об этом. Если ты решишь поехать в Израиль, я помогу тебе устроиться на любую работу. И поверь мне, там не посмотрят на то, что произошло здесь, даже если кто-то кому-то позвонит и расскажет. Иметь значение будет только то, какой ты специалист, чего ты добилась и чего еще можешь добиться. Ты бы и здесь добилась, я в этом не сомневаюсь. Просто ты оказалась в очень непростой, щекотливой ситуации.

– Из которой не смогла выйти с честью.

– С честью? О какой чести может идти речь, когда имеешь дело с подонком?

– Но вы же знаете, что произошло на самом деле! Вы понимаете, что если бы я не дала повод, он бы не смог ничего сфабриковать.

– Не это, так другое! Ты просто попала между двумя жерновами, Элина. Что бы ты ни делала...

– А как же вы?

– Что – я? Ты еще о нас беспокоишься?

- Что теперь будет с французами? Это все наверняка повлияет на сделку.
- А похоже, никакой сделки не будет...
- То есть как?
- Сегодня пришла «молния», что наш глава холдинга пригласил вчера на ужин одного американца, владельца крупной фармацевтической компании. Покрупнее «МарСо». И похоже, у них уже все на мази. Так что французы больше и не нужны.
- Но... как же...
- Да вот так. Как говорится, все изменилось за одну ночь.
- И вы так спокойно об этом говорите! Это же был ваш проект. Вы с Софьей работали над ним день и ночь. И Марэ... о нет, получается, что я их тоже подвела...
- Элина, мы уже говорили о двух жерновах. К тому же у Марэ будут другие сделки, поприбыльнее этой, а мне все равно, с кем работать – американцами, французами, немцами. Больше всего меня расстраивает только то, что я не смог отстоять и удержать одного из своих самых ценных сотрудников.

От Фридмана я выбежала только с одной мыслью – о «МарСо». Что бы ни говорил Борис Натанович, я уже достаточно хорошо знала Лео, чтобы понимать: ему не все равно. Амбиции, честолюбие и... месть? Мне стало страшно. Даже не знаю, почему. Это было уже не моим делом, и я ничего не могла изменить. И к бизнесу Лео я не имела никакого отношения. Но почему-то я физически ощущала, что связана со всем, что связано с ним. Приехав в гостиницу, я сразу же поднялась к нему в номер, не спрашивая, там ли он сейчас.

Когда он открыл мне дверь, меня поразила его невозмутимость. Я ожидала увидеть гнев, негодование, ярость, а увидела спокойствие и холодное безразличие.

– Заходи.

Он закрыл за мной дверь, молча пересек комнату и сел на подоконник, где, очевидно, сидел до моего прихода. Босиком, в потертых джинсах, рубашка наполовину расстегнута, а в руках неизменная сигарета. Как будто ничего и не произошло.

– Хочешь чего-нибудь? Здесь есть неплохой коньяк.

Странно, что сегодня все предлагают мне выпить.

– Нет.

Я не знала, с чего начать.

– Что будешь теперь делать? – все, что я смогла произнести на французском.

– А что? Ты про сделку?

Я заледенела. Таким же тоном он мог говорить о погоде.

– Да, про сделку.

– Пока не знаю, – он говорил, не глядя на меня, продолжая курить. – Время покажет.

– Станный ответ. Для тебя.

– Для меня? Почему – для меня?

– Просто... на тебя не похоже.

– Ты ожидала, что я начну метать огненные стрелы и звонить послу?

– Тебе смешно?

– Да. Честно – да.

– Отчего же?

– Смешно смотреть на то, как люди уничтожают лакомый кусок просто из желания насолить.

– Ты о чем? Фридман тут ничего не решает. И он...

– Я не о Фридмане, а об этом тупом ублюдке, твоём начальнике.

– К счастью, уже бывшем.

Он молча взглянул на меня, возможно, пытаясь что-то прочесть на моем лице.

– Тем лучше.

– Так что же, по-твоему, за лакомый кусок он уничтожил? Помимо меня, разумеется.

В тот момент я готова была его возненавидеть. Столько цинизма, безжалостного равнодушия, спеси я ни в ком не встречала. Я подумала, что в такой ситуации нормальный человек не может себя так вести. Он должен злиться, негодовать, неистовствовать. Но это... Не может быть, чтобы внутри него все было так же заморожено, как на его лице. Я отчаянно пыталась поймать его взгляд, чтобы прочитав в нем хоть какие-то эмоции, чтобы поверить, что он тоже живой человек. Но, поймав, содрогнулась. Я увидела, что он ни о чем не жалеет; ему наплевать на эту сделку, на то, что так вышло, наверно, и на то, что меня уволили. То есть нет, не наверно – на сто процентов наплевать! Как будто в глубине души он ликовал – как если бы противник в конце концов тоже остался ни с чем. Но почему?.. Что же по-настоящему произошло?

– А ты думаешь, что с американцами у них все получится? – спросил он.

– Но... почему бы и нет. Сам генеральный так решил. Это не решение Сладкова, если ты об этом.

– Неважно, чье это решение, Элина. Важно – *как* они его приняли. Они не оценили ситуацию. Не знаю, чем конкретно руководствовался владелец холдинга, но на деле он такой же идиот, как Сладков.

После этого он засмеялся. У меня мурашки пошли по телу.

– Ты понимаешь, что представляет из себя человек, который ради простой, сомнительной прихоти одного из своих подчиненных пойдет на такой маневр? Ты думаешь, это нормально?

– Нет, не думаю. Но то, что меня уволили по статье за то, чего я не совершала, и тем самым разрушили мою жизнь – тоже ненормально.

– Тебя уволили, потому что ты не вписывалась в их модель. Ты же не стала его любовницей, а в итоге выставила его посмешищем.

– Откуда ты знаешь, что он этого хотел – сделать меня своей любовницей?

– А что, не видно было?

– И ты поэтому стал со мной встречаться – потому что понял это и захотел его обставить?

Я почувствовала, как мой голос задрожал. Он, видимо, тоже. Он затушил сигарету и подошел ко мне. Он не дотрагивался до меня и ничего не говорил, но от него веяло холодом, как от айсберга.

– Он подумал, что я встречаюсь с тобой для того, чтобы получить всю необходимую информацию о компании, чтобы потом, конечно, использовать ее против самой компании. Как будто кроме как через постель я не в состоянии узнать все, что мне нужно...

Он продолжал смеяться. Мне вдруг показалось, что завеса начала приоткрываться.

– Что ты хочешь сказать? Да, я понимаю, что дело тут не только в уязвленном мужском самолюбии. Ты думаешь, что он хотел одним ударом избавиться от меня и от тебя, потому что заподозрил тебя в шпионаже? Тогда, конечно, ему стало наплевать на сделку, когда он понял все это...

Он перестал смеяться.

– Он не понял того, что пока он строил козни людям, не представляющим для него никакой реальной угрозы, его отправили в нокаут. А вместе с ним и всех остальных.

– Ты хочешь сказать...

– У меня есть все на него – данные, проекты, суммы сделок. На него и остальных сотрудников компании. У меня есть вся его переписка с генеральным по поводу сделок, проектов, конференций, встреч по привлечению партнеров. У меня было все это уже на первой неделе нашего пребывания здесь, когда мы с тобой едва разговаривали за ланчем. А сейчас у меня появилось несколько идей, как всем этим распорядиться. Я не думаю, что это понравится Сладкову, Фридману, генеральному или кому бы то ни было...

– Фридман здесь ни при чем. Ты что, и ему хочешь отомстить?

– Это не месть, Элина. Я не собираюсь тратить свое время на все это дерьмо. С ним есть кому разобраться. А у меня много дел поважнее. Ближний Восток, например. Я говорил тебе, что параллельно с этим проектом мы начали работать с ОАЭ? Так вот, сейчас это очень приоритетное направление. А насчет Фридмана... Откуда ты знаешь, что он чист? Если бы мы могли быть уверены в тех, кто нас окружает, на сто процентов, никто бы не разорялся и никого бы не поглощали. – Он достал свой чемодан. – И еще был бы мир во всем мире.

Я молчала. Мне было нечего сказать. Я поняла, что сейчас он будет собирать вещи. Я должна уйти. Как можно скорее. Раз и навсегда.

– Значит, ты собираешься их уничтожить?

– Знаешь, учитывая ситуацию, их можно было бы пожалеть за их беспросветную тупость, – сказал он, захлопывая лэптоп. – Но почему-то у меня нет к ним жалости.

Я посмотрела ему в глаза.

– Ты сейчас совсем не тот человек, каким я тебя считала.

– Верно. Не прекрасный принц.

– Я уже давно выросла из сказок о прекрасных принцах. Тебе ведь плевать на людей, да?

– А тебе нет, правда? Даже на тех, кто готов стереть тебя в порошок только ради удовлетворения своих собственных амбиций. Или ты хочешь найти для них оправдание?

– Я не о них, а о тебе. И обо мне. Ты говоришь, что они меня подставили. А ты? Ты точно так же, как они, использовал меня – как ширму. Все так прекрасно получилось, правда? Пока они думали, что влюбленная дурочка Элина добывает для тебя информацию, ты, обведя их вокруг пальца, сам все спокойно обделал. Я ведь была хорошим прикрытием, да? Ну, скажи, что так и было!

– Что ж, если ты так хочешь, не могу тебя разочаровывать...

Я ударила его. Я хотела ударить еще и еще, но рука дрогнула. Меня стали душить слезы, а я должна была во что бы то ни стало не дать им пролиться. Его лицо исказилось.

– Я никогда не позволял ни одной женщине бить себя по лицу.

– Что ж, я рада, что стала первой.

Я схватила сумку и вылетела из номера, как будто подо мной горела земля, а в голове, не переставая, звенели слова: если бы мы не встретились... *Лучше бы мы никогда не встретились...*

Глава 9

Неделю спустя

– Блин, я папку у него в номере забыла.

После того, как я забрала свою безнадежно испорченную трудовую книжку и выбросила ее в Москву-реку на обратном пути, я поняла, что мне срочно требуется помощь. Но не материальная и не физическая. Чисто дружеская. Я позвонила Кате, которая оказалась свободной (она почти всегда оказывалась свободной, когда я просила ее о чем-то). К счастью, день был солнечный. Мы прошлись по набережной, завернули в Александровский сад и устроились на скамейке под нежными струями ласкового весеннего солнца. Тут я и вспомнила про папку. Конечно, теперь она уже никому не нужна, но там остались документы. В общем, мало ли что...

– Элин, успокойся. Ее наверняка уже выбросили сразу после уборки в номере. Или ты думаешь, что он прихватил ее с собой?

– Вот еще. Зачем она ему? У него и так всего предостаточно.

– Тем более. А кому еще она могла понадобиться? Да успокойся же ты, наконец. Тебя это больше не должно волновать. Ты больше не имеешь к ним ко всем никакого отношения. Забудь о них!

– Забуду, Катя. Другого выхода у меня нет. Только ты знаешь, так быстро не получится. При всем желании.

Свежий ветерок налетел как маленький ураган и взъерошил нам волосы. Пахнуло весной – а в Москве нечасто почувствуешь такое.

– Слушай, милая моя, может, нам куда-нибудь съездить? Можем прямо вдвоем. И никто нам больше не нужен.

Я попыталась выдавить улыбку.

– Неплохая идея...

– Тебе это просто необходимо. А я с удовольствием поеду с тобой. Куда хочешь!

Я улыбнулась: в этом была вся Катя.

– Знаю, что поедешь. Только я пока не знаю, куда хочу. Надо решить, что делать дальше.

– Вот после отдыха и решишь. Пойми, тебе необходимо отвлечься! Иначе ты надорвешься.

– Ладно, я подумаю, куда хочу. Обещаю.

– И долго ты собираешься думать? До завтра нормально?

– Завтра?.. Ладно, договорились.

– Вот и отлично. Пора мне, перерыв закончился. Я и так злоупотребила.

– Да уж, не стоит.

– А ты куда пойдешь? Домой?

– Да. Только сначала все-таки заеду в гостиницу.

– Элина...

– Перестань. Ничего не изменится, если я просто спрошу. Может, они ее нашли и ждут, что за ней придут...

Когда я зашла в гостиницу, меня посетило что-то похожее на дежавю. Но ощущение в целом не было приятным. Мне казалось, что все взгляды обращены на меня, как будто я даже слышу их мысли, прямо как в фильме *«Обмани меня»*. И я знаю, о чем они думают. *«Это просто паранойя»*, – твержу я себе. Но легче не становится.

Я подхожу к портье – никогда не чувствовала себя такой неуверенной и растерянной.

– Здравствуйте. Я...

– Добрый день. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Да... может быть. Я была здесь недавно. Приходила к одному знакомому. Он у вас останавливался... Я... мне кажется, я забыла одну вещь. Возможно.

– Одну секунду, – он наклонился проверить кое-что. – Вы госпожа Эдельман?

– Да. Элина Эдельман.

– О да, для вас кое-что оставили. Просили передать, если вы зайдете.

– Да, верно. Это папка для бумаг. Синяя такая...

– Боюсь, не совсем...

Он снова наклонился и достал то, что я меньше всего ожидала увидеть, особенно сейчас...

С момента, когда я подслушала речь Сладкова, я словно застыла. Мой мозг работал, впитывал, анализировал, тело двигалось, дышало, но чувства как будто омертвели. Где-то в подсознании я понимала, что это пройдет, что скоро я выйду из состояния ступора и начну ощущать боль, страх, унижение. Возможно, я буду рыдать, стенать, ругаться и лезть на стену от отчаяния... Но это будет позже, когда я снова оживу. Возможно, будь я живой с самого начала, я бы

не смогла выдержать все это так стойко, с достоинством. И возможно, у меня бы не поднялась рука выбросить в реку трудовую книжку. Если бы я была живой, а не застывшей статуей. Но только сейчас, в этот самый момент, стоя у стойки администратора отеля, не сводя глаз с того, что он – не без труда – держал передо мной, только сейчас я, кажется, почувствовала, впервые за весь этот горький день, как по венам зажурчала кровь.

Это был огромный – самый огромный в моей жизни! – букет огненно-красных роз. Точнее, они все были разных оттенков красного – алые, бордовые, коралловые. Но это было похоже на взрыв, от которого захотелось прикрыть глаза. Я не знаю, сколько их было – только потом я узнала, что в букете была ровно тысяча роз. Вот только, вытащив меня из одного летаргического сна, он словно сверг меня в другой. Какое-то время я просто стояла, молча глядя на это буйство красного цвета.

– Хм... Извините, вам вызвать такси? Или вас кто-нибудь ждет?

– Что, простите?..

– Боюсь, вы одна его не унесете.

Я просто молча кивнула в ответ.

Вечером следующего дня мы втроем сидели в кафе – я, Катя и Ленка. Это они затащили меня, я не настаивала. Весь этот день и конец предыдущего я провела дома, в четырех стенах, тщетно пытаясь хоть на пять минут оторвать взгляд от огромного багрового пятна в своей комнате.

– Ну что, забрала папку?

– Нет. Ее там не было.

– Я же говорила.

– Там было кое-что другое... Он оставил там для меня кое-что...

– Деньги, как шлюхе? – спросила Лена.

– Нет, кое-что другое.

Лена была в своем репертуаре. Мы с Катей привыкли к ее высказываниям – редко, но метко. Хотя, признаться честно, иногда она меня раздражала. В этот раз я не обиделась – хотя словцо было крепкое, а сравнение могло показаться почти уместным. Но я видела, как зыркнула на нее Катя, и других комментариев не последовало. Если честно, Лена почему-то с самого начала скептически относилась к моим отношениям с Лео. Нет, только не подумайте, что она такая правильная, скорее, наоборот: мы с Каткой ей и в подметки не годились в амурных делах. Чем она руководствовалась в этот раз, понятия не имею.

– Розы?! Тоже мне... Да что бы то ни было. То, как он поступил с тобой, ничем не искупить.

– Я не жду от него искуплений. Я просто... не ожидала.

– Не слушай ее. Она всегда такая, – сказала Катя, когда мы шли с ней вместе домой.

– Можешь не напоминать об этом, я не первый год ее знаю.

– Если честно, я думаю, она просто завидует.

Я сделала самую невероятную в этот момент вещь – я засмеялась.

– Да ты что?! Чему же? Тому, что меня уволили по статье или что меня кинули после того, как перестали во мне нуждаться?

– Нет. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Конечно, знала. Лена завидовала, что у меня был роман с французом. Бред, конечно... Но у нее то такого не было!

Придя домой в тот вечер, я упала на кровать, даже не раздевшись. Я рыдала до самого утра.

Я делала вид, что мне все равно, что ничего не произошло, что все так и должно быть. Но меня попеременно бросало то в жар, то в холод, когда я смотрела на букет из тысячи алых роз. Это было одновременно напоминание и о моем сокрушительном фиаско, и о растоптанных мечтах, и о самой большой (как я тогда думала) ошибке в моей жизни. Я не рыдала день и ночь, оплакивая свою несостоявшуюся карьеру, в которой был почти весь смысл моей жизни, не стенала из-за того, что меня довольно жестоко бросили. Но в душе поселилась такая горечь, которую могли разве что разбавить воспоминания и кое-что еще... Я миллионы раз прокручивала все события, вспоминая все шаг за шагом, в мельчайших подробностях, пытаюсь понять, где я совершила первую – роковую – ошибку, после чего все пошло под откос. Где нужно было остановиться и повернуть назад? И было ли это вообще возможно? Или я подсознательно шла к этому разрушению? Ведь нельзя же осознанно взять и разрушить свою мечту, то, к чему ты стремился всю жизнь, чуть ли не со школьной скамьи? Мне казалось, что я всегда знала, чего я хочу в этой жизни, и стремилась именно к этому. И я была почти у самой цели. Да, была...

«Но теперь глупо об этом думать, – повторяла я себе. – Теперь нужно думать, как жить дальше. Нужно поменять мечту. Нужно поменять себя. Если нужно – сломать». Я выглянула в окно: день был пасмурный, дождливый, серый. «Грустно», – пронеслось в голове. А потом, словно откуда-то с периферии, боковое зрение зафиксировало яркую вспышку. Я даже вздрогнула, обернувшись. И поняла, что снова смотрю на проклятый букет. «Ну когда он уже завянет, будь он неладен...» Но он отвлек меня от грустных мыслей о неопределенном будущем. Зачем он подарил его? В знак благодарности. Из чувства вины. Бросить пыль в глаза. Произвести впечатление напоследок. Да что угодно... Но успев немного изучить Лео за этот короткий период времени, я не понимала, зачем он это сделал. Это было совершенно на него не похоже. Я бы, может, и не удивилась, будь в нем капля романтики или хотя бы мягкости, чувствительности или как там еще это называется. Но это был приземленный, жесткий, циничный, иногда саркастичный человек, который, казалось, ни во что не ставит чувства. Лео и цветы – два несоединимых понятия. Так зачем он подарил их мне? Чего он добивался? Если он ничего не делает просто так (а в этом я была абсолютной уверена), значит, он преследовал некую цель. Я пыталась распознать ее, глядя на этот багровый шедевр. Он выглядел как провокация, как вызов, который я могла либо принять, либо проигнорировать. И все же загадка была не разгадана. Как задачка повышенной сложности, которую мог решить, пожалуй, только Леонард Марэ.

Решение пришло неожиданно и в самой невероятной форме, которую можно было представить – в виде внезапного появления самого Лео. Он просто позвонил мне и попросил встретиться – как будто бы и не было этого сумасшедшего месяца одиночества, тоски и отчаяния. Как это было похоже на него!..

Как ни парадоксально, мы встретились в баре той же гостиницы. Полумрак, тихо играет музыка, мягкие кресла, на столике перед нами дорогой французский коньяк. Лео выглядит сногшибательно (наверно, этот тяжелый месяц притупил мои воспоминания, или я сознательно затерла некоторые черты его привлекательности). Впрочем, я тоже выглядела неплохо. На первый взгляд, атмосфера непринужденности и легкого флирта. А по сути – одна сплошная фальшь.

Я спросила, зачем он вернулся. В моем голосе не звучало ни горечи, ни упреков. Я делала вид, что все так и должно быть. Как будто я каждый день разрываю отношения со своими любовниками, а потом ужинаю с ними при свечах, будучи не против продолжения. Он не был похож на человека, который будет ходить вокруг да около – он сразу перешел к делу.

– Выходи за меня замуж.

Я засмеялась. Я очень захотела ударить его во второй раз – тогда бы я стала единственной женщиной, ударившей его дважды.

- Ты шутишь? Не самый удачный способ продемонстрировать свое чувство юмора. Он наклонился ко мне и тихо, но четко произнес:
- Я не шучу. Или ты думаешь, я стал бы лететь сюда только ради шутки? Улыбка медленно сошла с моих губ.
- Значит, ты издеваешься надо мной...
- Ради этого я тоже не полетел бы, поверь мне.
- Лео, ты...
- Я серьезен как никогда.
- Почему?
- Что – почему?
- Почему ты это делаешь?
- Нет, ну кто задает такие вопросы! Я делаю тебе предложение, а ты спрашиваешь, почему?! Ты должна либо сказать «да», либо послать меня к... А ты задаешь такой невыносимый вопрос.
- Отчего же невыносимый? По-моему, в данной ситуации – это единственный уместный вопрос. Мы расстались.
- Мы не расставались.
- После того, как наговорили друг другу кучу гадостей.
- Многие говорят друг другу гадости – даже самые близкие люди.
- Да, но мы-то не близкие люди и никогда ими не будем.
- Ты так уверена в этом?
- А есть хоть малейшая вероятность? Лео, мы начали отношения со лжи. С самого начала было ясно, что ничего не выйдет. Так не бывает. Даже если были моменты, когда... Но это ничего не значит. Мы оба это знаем. Почему ты решил сделать мне предложение – еще большая для меня загадка, чем тот проклятый букет. Ума не приложу, что у тебя на уме. Но что бы то ни было, это нереально.
- А что, по-твоему, реально? Элина, что ты называешь реальностью? Свою жизнь? Она тебя устраивает – настолько, что ты боишься ее изменить?
- Да, точнее, устраивала, до того как ты ворвался в нее.
- Хочешь меня обвинить во всем – давай. Я и не отрицаю. Но это уже в прошлом. Прошлого не вернешь. А сейчас мы можем начать заново. Нам ничего не мешает это сделать.
- Ты уверен? Лео, о чем ты говоришь! Боже мой, да мы оба виноваты! Нам вообще нельзя было встречаться, с самого начала все было ясно. Я не могу быть с тобой, не могу быть твоей женой.
- Почему?
- Потому что мы из разных миров. Неужели ты этого не видишь?
- Я вижу только то, что перед моими глазами: мы с тобой обычные люди из плоти и крови. Мы были вместе, нам было хорошо вместе. Мы говорим на одном языке, принадлежим к одному поколению. Что еще тебе нужно? Тест на совместимость?
- Прекрати, я не хочу больше об этом говорить.
- Так это что – «нет»? Ты таким образом говоришь мне «нет»? Даже подумать не хочешь?
- О чем тут думать? Я хочу жить в Москве.
- Чушь! Тебе нечего здесь делать, у тебя даже работы нет.
- Благодаря тебе!
- Отлично – благодаря мне! У тебя проблема, я предлагаю решение. Поехали со мной в Париж. Хочешь – у тебя будет там работа, не хочешь – не будет. Ты сможешь делать почти все, что захочешь. Ты забудешь обо всех своих тупых начальниках и загубленных перспективах. У тебя будет другая жизнь.

– Ах вот значит как... Ты хочешь подарить мне новую жизнь взамен той, которую отобрал?

– Только не надо пафоса, милая, это ни к чему. Ты ведь не знаешь, какая из них была бы лучше.

Я смотрела ему в глаза и впервые за все время нашего знакомства увидела там нечто отдаленно похожее на нежность.

– Зачем? Зачем ты все это делаешь? – спросила я наконец.

И он ответил – с легкостью, как бы невзначай:

– Потому что ты мне нужна.

Потому что ты мне нужна...

Конец первой части

Часть вторая

Чтобы рассеять мглу над миром, стань путеводной звездой и сожги себя до тла.

Хафиз

Глава 10

Леонард Жан-Пьер Феликс Марэ родился 11 ноября 1980 года во Франции, в семье видного политика, отошедшего к тому времени от дел и бросившего силы на управление семейной компанией по производству лекарственных средств. Этот день выдался очень холодным, пасмурным и дождливым – одна из самых мрачных годовщин Дня примирения за последние несколько лет. Может, эти естественные обстоятельства рождения отчасти повлияли на его характер и жизненный уклад. Но не будем забегать вперед...

Он появился на свет в типично буржуазной семье, которых называли «столпами общества»: большие связи, дома, репутация и, конечно, деньги. Все это, а еще и то, что Леонард был единственным ребенком в семье, очень хорошо располагало к становлению типичного избалованного «богатенького сынка». У него было все – когда он был ребенком, когда стал подростком. Самый престижный детский сад в центральном районе Парижа, самая высокооплачиваемая школа, после которой последовала одна из самых престижных школ – высшая школа коммерции². Он был способным, сообразительным, умным, неплохо учился, был в меру озорным и в меру дерзким. Родители позволяли ему все. Ну или почти все. Мать никогда его не ругала и закрывала глаза на его шалости. Со стороны отца он тоже не чувствовал особого прессинга, только едва ощутимый авторитарный налет. Будучи ребенком, он не до конца понимал, что это, но когда делал что-то плохое, то, стоя перед отцом, перед его высокой и властной фигурой, он ощущал, как внутри что-то сжимается – то ли от страха, то ли от слишком сильного уважения, которое давило на него настолько, что было способно раздавить. В подростковом возрасте он делал все возможное, чтобы избежать этого нелепого и уничижительного суда. Перед ним всегда стоял взгляд отца, в котором он читал не угрозу и не наказание, а призыв к унижению и последующему искуплению своих прегрешений. До определенного момента Лео воспринимал это как должное, как неизбежное.

Пока в один прекрасный момент все не изменилось. Это был день, когда он впервые серьезно поругался с отцом, высказав ему все, что накопилось в душе за все семнадцать лет беззаботной жизни. И после этого дня мальчик Лео словно перестал существовать, а его место занял повзрослевший, менее чувствительный, более равнодушный и циничный молодой человек, который поставил себе четкую цель, для достижения которой он решил всю свою оставшуюся жизнь делать все не так, как от него ожидают. Делать все наперекор воле отца. Никто не мог понять причину этого внезапного приступа нигилизма, утешая себя мыслью, что рано или поздно это пройдет. Но это не прошло.

Нежелание повиноваться отцу выросло во что-то сильное и необузданное. Обещание никогда не стоять перед отцом с виновато опущенными глазами, данное самому себе, переросло в маниакальное противоречие, а затем – в противостояние. Быть не похожим на отца было недостаточно, нужно было стать его полной противоположностью. Всегда и во всем.

Вместо того чтобы поступать в высшую школу коммерции, чтобы потом возглавить семейное предприятие и помочь отцу управлять компанией, он выбрал международное право.

² Во Франции самыми престижными высшими учебными заведениями считаются *grandes ecoles*, «высшие школы».

Получив диплом, вместо того чтобы внять просьбам отца и пойти работать в какую-нибудь большую юридическую фирму, дабы получить опыт и заявить о себе в соответствующих кругах, он записался волонтером в Красный Крест и уехал в Африку. Там он побывал почти во всех неблагополучных местах, где люди сотнями и тысячами умирали от голода и болезней. Эта поездка, которая длилась чуть больше года, многому научила его – от выживания в самых невероятных условиях до оказания первой медицинской помощи и не только. Когда эта эскапада завершилась, ему велели явиться в штаб-квартиру ООН, где наградили за смелость и выносливость и предложили постоянную работу. Так он стал штатным сотрудником Организации Объединенных Наций. После Африки он работал в Южной Америке и в Австралии, а потом пару лет провел на Ближнем Востоке.

Отец не смог простить ему этого неповиновения. Он использовал все, что было в его арсенале – скандалы, оскорбления, угрозы, – все было бесполезно. Лео принял решение раз и навсегда. Тогда Марэ-старший обещал, что лишит его наследства и доли в компании, на что его единственный сын просто ответил: «Наконец-то хоть этот балласт с плеч!» Это была своего рода точка невозврата, которая кардинально поменяла ход его жизни. Работа в ООН стала всем: не знаю, хватало ли ему времени на тусовки с друзьями и свидания с девушками, но жил он в основном в самолетах, летающих по маршруту Париж – Нью-Йорк, Нью-Йорк – Париж.

В 2003-м НАТО ввели войска в Ирак. Каждый год ООН направляла туда миротворческие миссии, в которые входили специально обученные военные, переговорщики, врачи без границ и дипломаты. В одну из таких групп попал и Лео. Что можно сказать о человеке, который сознательно, по своей собственной воле ввергает себя в самое пекло, не заботясь ни о своей жизни, ни о жизни своих близких? Кто знает, о чем он тогда думал и думал ли вообще? Год, проведенный в Ираке, пролетел как один миг, но в то же время стал вечностью. Вернувшись оттуда, едва выжив после мощного взрыва, унесшего жизни многих невинных людей и солдат, он больше не был прежним. Я неоднократно слышала, что рассказывали о людях, вернувшихся из зоны боевых действий, – как они выглядели, что чувствовали. Они больше не принадлежали себе и не принадлежали этому миру. Кто в погоне за славой и деньгами, кто в борьбе со своей беспощадной совестью, а кто, слепо веря в то, что идет воевать за светлое будущее, – все, кто не погиб, вернулись искалеченные, опустошенные, уже не понимающие, почему и как все началось. Именно этим я и объясняла странное поведение Лео, когда он вдруг резко и внезапно превращался в другого человека. Он как будто в один миг замораживался, устремляя свой взгляд в какое-то одному ему ведомое пространство; он словно смотрел сквозь людей, сквозь стены, сквозь время и видел там то, что не дано было видеть никому другому...

Вот в общих чертах все то, что я узнала о его жизни до нашей встречи в Москве. А точнее, то, о чем я догадалась из тех обрывочных фраз, что он ронял время от времени в разговорах. То, почему он выбрал для себя именно такой путь, что им двигало все это время – было для меня совершенной загадкой. Как и то, почему он так внезапно поменял решение и стал работать в компании своего отца. Я понимала, что он не собирался рассказывать мне об этом тогда и вряд ли расскажет потом, но я не переставала возвращаться к этому в мыслях снова и снова. Помимо всего прочего я узнала, что он какое-то время жил в Америке – в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, – очевидно, перед отправкой в Ирак, а также несколько лет скитался по Ближнему Востоку, за что получил прозвище *Бедуин*.

На этом исчерпывался мой багаж знаний о Лео.

С этим я оставила свою прошлую жизнь и полетела навстречу новой – рейсом 1134 авиакомпании «Эр-Франс».

Он встретил меня в аэропорту. При себе у меня был только один чемодан – немаленький, но не настолько, чтобы вместить все. Я собрала только то, что, как я думала, скорее всего, понадобится в Париже. В высшем свете, как пошутила Катя. Мне понравилось. Но я знала,

что это очень далеко от истины: Лео вел очень скромную жизнь. Небедную, конечно, но он ничем не выделялся. Иногда мне казалось, что это жизненно важно для него – не выделяться. Но тогда я особо не задумывалась над тем, что видела между строк. Мне казалось, что у меня столько реальных, явно ощутимых проблем, что мне совсем некогда придумывать что-то еще – эфемерное, ускользающее, нелогичное и абсурдное. Казалось, это все принадлежит другому миру. А поскольку своих проблем я решить не могла, я просто убежала от них. Только не подумала, что убежала как раз в тот самый другой мир, который таил для меня отнюдь не меньше опасностей.

Сложно менять жизнь вот так, как собиралась это сделать я – в одночасье, зачеркнув все, что было, и начав с нуля. До этого я никогда не сжигала мосты – считала, что это глупо: ведь никогда не знаешь, что будет дальше; ведь если что-то не заладится, ты не сможешь даже вернуть то, что было. Я бы и вернула... Только мне было нечего возвращать. Все сторело еще до того, как я поднесла спичку.

Когда летела сюда, я была полна твердой решимости устроить ему очередной скандал – со слезами, с пощечиной, все как положено, продемонстрировав лишний раз, что вина за все это лежит прежде всего на нем. Но как только самолет коснулся земли, все куда-то ушло. Поселилась неуверенность. И вот я здесь. В аэропорту Шарля де Голля, в зале прилетов. Я стою посреди зала, словно вне времени – как будто зависла где-то меж двух миров. А напротив меня стоит он – человек, который казался таким чужим и одновременно таким близким; человек, с которым, казалось, я столько всего прошла, и с которым еще столько пройду. Тогда я не могла этого знать – наверно, только предчувствовать. Я не в состоянии описать словами, что выражал его взгляд, но я запомнила его на всю жизнь: он словно бросал вызов и одновременно упрашивал. Боялся ли он, что я передумаю? Считаю, у него не было веских оснований: следующий рейс только завтра, а несколько часов ему уж точно хватит, чтобы одержать победу над мной – *очередную* победу.

Возможно, именно в тот момент я впервые взглянула на него со стороны.

Сейчас это так странно – пытаться посмотреть на человека, который стал частью твоей жизни, со стороны простого наблюдателя. И так сложно – описать его беспристрастно... Лео не был красавцем в классическом смысле этого слова, но когда дело касалось флирта и откровенных заигрываний со стороны женщин и скрытых угроз во взглядах мужчин, о стереотипах почему-то сразу забывали. По сути, в нем не было ничего экстраординарного – высокий брюнет, смуглая кожа, карие глаза. И тем не менее, его никак нельзя было назвать заурядным: в нем как будто уживался миллион противоречий. Он был высокого роста – за счет очень длинных ног, которые ему всегда было некуда девать; атлетического телосложения, он держался прямо, но походку его прямой назвать никак нельзя – ходил он вальяжно, немного размашисто, иногда даже слегка подпрыгивая. Я бы назвала это лунной походкой. Он был брюнетом, не жгучим, которых называют плейбоями и мачо, но очень эффектным за счет оливкового цвета кожи и темно-каштановых, слегка вьющихся волос, которые далеко не всегда были в полном порядке. Для убойного эффекта ему не хватало ярко-синих или зеленых глаз – тогда его вполне можно было бы назвать героем эротического романа. Но его глаза были обычного для такой внешности цвета – карие, мягкого шоколадного оттенка. Тогда я думала, что будь они ярко-синими или зелеными, это, скорее всего, сражало бы наповал. Но нет. В общем-то, он выглядел как среднестатистический француз (если, конечно, не брать в расчет пару-тройку последних десятилетий, когда лицо французской национальности приобрело гораздо более темный оттенок, а также арабские или негроидные черты). Но все-таки, если абстрагироваться от классических канонов мужской красоты, он вполне мог дать фору любой смазливой суперзвезде. Нет, честно, его можно было бы смело назвать красивым, если бы не слишком большой рот, не слишком длинный нос с горбинкой и не слишком высокие скулы, которые, безусловно, вносили определенный диссонанс, но одновременно делали его гораздо интереснее многих красавчиков-плей-

боев. Другие же, кто знал, что он много времени провел на Востоке, говорили, что любой араб мог запросто принять его за своего. Отчасти я была с ними согласна, но все-таки черты лица выдавали в нем умеренно европейский тип... А, ну конечно! Татуировка в виде скорпиона на левом плече, смысл которой он мне так и не объяснил (хотя уверял, что ничего общего со знаком зодиака здесь нет). И веснушки – что было уж совсем непонятно. Обычно этим феноменом страдают рыжие или люди с очень светлой кожей. А у него кожа всегда была одного и того же оттенка – как будто он только что провел недели две на пляже. И тем не менее, я часто замечала их то тут, то там...

Хотя, честно говоря, я пристрастна. И тогда, и сейчас. И, наверно, буду всегда.

Я смотрела ему в глаза, когда он целовал меня, забирал мой чемодан, когда мы ехали до его дома – и пыталась понять, что он чувствует и о чем думает. *Чего он хочет*. Но, думаю, тогда это была невыполнимая задача.

Глава 11

Лео жил в красивом трехэтажном доме в квартале Сен-Жермен – одном из самых живописных и престижных районов Парижа с его изящной архитектурой, уютными кафешками, живописной набережной. Совсем недалеко – Люксембургский сад, который, пожалуй, всегда был моим любимым местом в этом городе.

С виду дом не представлял из себя ничего особенного: светлый камень, небольшие резные балкончики, консерж в очках, чистые лестницы, просторный лифт. Мы поднялись на третий этаж. Я кое-что знала о планировке французских домов. Если наши московские хрущевки казались маленькими и неудобными, то во французских квартирах было подчас проблематично разойтись двум жильцам. Но тут меня ждал сюрприз... Мне, как русскому человеку, привыкшему к маленьким коридорчикам, было немного странно видеть такую большую прихожую. *Огромную* прихожую. Это был настоящий длинный коридор от двери до самой кухни. Кухня маленькая, прямо как в моем московском жилище. Но зато гостиная... Мне показалось, что она больше, чем вся моя квартира. Огромное пространство, минимум мебели, большие окна с широкими подоконниками, в качестве занавесок одна тюль из густой органзы. А посередине только маленький кофейный столик, пара небольших кресел и огромный коричневый кожаный диван. Я тогда сразу подумала, что его сделали специально на заказ, точно по росту Лео. Еще там была спальня и две ванные комнаты.

Удивительно или нет, но мы почти не разговаривали по дороге. Я почувствовала себя такой уставшей, как если бы все случившееся за последнее время разом навалилось на меня. Я опустилась в одно из кресел, и мне показалось, что меня приковали к нему цепями весом в тонну. Около получаса я сидела без движения.

– На, выпей, – он налил мне коньяка.

– Нет, лучше потом. Иначе я упаду в ванной.

Приняв душ и выпив коньяку, я легла и сразу же провалилась в глубокий сон.

Когда проснулась, показалось, что прошла целая вечность. Я не сразу поняла, где нахожусь – как в странном сне. Вся спальня была залита мягким солнечным светом. Я выбралась из постели и подошла к окну. И только потом поняла, что совсем одна в этой чужой квартире. Он, наверно, ушел рано, решив не будить меня. Я пошла на кухню в поисках еды. На удивление холодильник оказался забит – выбирай, что душе угодно. Я хорошо позавтракала, несмотря на отсутствие аппетита, и следующие три часа посвятила разбору чемодана и осмотру квартиры. Хотя в ней было не так много интересных вещей, тем не менее, она показалась мне настоящей

пещерой Али-Бабы – как будто сам воздух был пропитан чем-то таким, что я никогда не ощущала раньше. Вместо того чтобы видеть и осязать предметы, которые могли привести меня в восторг или загнать в тупик, я словно вдыхала их через легкие. Явных запахов не витало, лишь легкий, едва уловимый намек на что-то... экзотическое. Запах сигарет, который был здесь старым гостем, смешивался с чем-то пряным – возможно, с запахом лосьона после бритья или восточных благовоний, приобретенных в годы его странствий по бедуинским тропам. Я обошла всю квартиру в поисках источников, но не нашла ни следа. Не мог же он все это прятать?.. В гостиной я обнаружила большой бар с изысканными винами и крепкими напитками: чего там только не было – белые, красные сухие вина, коньяки, виски, бурбон. Интересно, как часто он подходил к этому интересному шкафчику?.. Не хотелось думать, что слишком часто, но что если так и есть? Инстинкт самосохранения не позволял мне пускаться в тяжелые размышления, и я оставила этот вопрос на потом. Там же в гостиной я обнаружила довольно старинный книжный шкаф: большинство книг были мне не знакомы, хотя я с детства очень любила читать и знала многих авторов, в том числе французских. Но чем дольше я рассматривала книги Лео, тем более убеждалась, что в этой странной коллекции почти напрочь отсутствуют книги на французском: в основном какие-то древние фолианты с позолоченным тиснением – скорее всего, собранные каким-нибудь любознательным предком-библиофилом; встречались и совсем развалившиеся тома, дышавшие если не Средневековьем, то уж точно эпохой Возрождения; огромные энциклопедии, изобилующие непонятными иероглифами и экзотическими картинками, несколько книг по фармакологии, ряд медицинских справочников, включая отдельный том про яды... И Пруст. Все собрание сочинений. Единственное французское произведение. Я открыла «По направлению к Свану» – странички затертые, пожелтевшие на концах. *Зачитанная*. И так одну за другой – все семь книг. У «Пленницы» выпало несколько страниц, которые я бережно вложила обратно, а «Обретенное время» исписано карандашом на полях. Я не вдавалась в смысл заметок – мне было достаточно самого их существования, чтобы понять главное. С улыбкой я вернула их на место, чтобы продолжить осмотр.

Спальня, в которой я спала как убитая, была небольшой, но уютной, кровать в меру жесткой. Окна большие и светлые. Ванная комната – плацдарм для неумных фантазий: я так и видела, как она вся устлана лепестками роз, по краям горят свечи, льется плавная музыка... Стоп! Это ведь только начало, а вот что будет дальше... Я вылетела из ванной и снова оказалась в гостиной – перед огромным кожаным диваном. «Интересно, каково это сидеть на нем?..» – подумала я с каким-то странным трепетом. Мне ужасно хотелось прикоснуться к этой холодной коже, которая сразу же станет теплой. Я медленно опустилась на него, затаив дыхание, словно боялась, что, прикоснувшись к нему, навсегда стану пленницей этого дома и его господина. Я действительно испытывала очень странные ощущения: мне было хорошо и страшно одновременно. Он был очень уютным и таил в себе опасность увлечься. А еще он, казалось, впитал запах своего хозяина. Лишь спустя несколько минут я вскочила, будто вырвавшаяся из опасных грез девчонка, и побежала открывать окно пошире, чтобы свежий воздух ворвался в эту обитель и развеял все страхи и сомнения, а вместе с ними и сладость, и негу, и восторг.

Ступор постепенно проходил, я даже ощущала легкое покалывание, как при оттаивании конечностей. Когда-нибудь все это пройдет, повторяла я себе; когда-нибудь я буду воспринимать все это как должное. Когда-нибудь меня будут называть «мадам Марэ» и я перестану бояться глубины и высоты и, возможно, даже сяду за руль. Нет, я не собиралась давать себе таких обещаний – я просто хотела кардинально изменить свою жизнь, чтобы в ней не осталось ничего прежнего: страхов, негатива, неуверенности. Хотела, чтобы Элина Марэ стала сильнее Элины Эдельман...

– Как ты?

– Все хорошо, мам.

- Похоже, мне остается только верить тебе на слово.
- А есть причины не верить в принципе?
- Молчание на другом конце провода.
- Я Женю видела на днях. Привет тебе передавал.
- Ты ему тоже передай, как увидишь.
- Хорошо. Катю не видела, вроде она в командировке.
- Катя теперь постоянно в командировках. Обещала заезжать ко мне при любой возможности.
- Хорошо бы... Мы ведь с тобой теперь неизвестно когда увидимся.
- Мам, я же обещала, что буду приезжать. И ты приедешь – обязательно!..
- Когда свадьба? Она вообще состоится?
- Конечно, он же еще в Москве мне предложение сделал. Иначе я бы с ним не поехала...
Снова пауза.
- Где он живет? У него там квартира или дом?
- Квартира в Сен-Жермен, очень хороший район. И квартира крутая – нашим не чета.
- Престижный район – это, конечно, хорошо, но ты ведь никогда особо не любила Париж, не то что твои подруги.
- Да, но, думаю, *такой* Париж я смогу полюбить.
- Надеюсь... Элина, ты знаешь... когда я Женьку встретила, мне показалось, что он так плохо выглядит, какой-то удрученный. Когда он о тебе говорил, у него голос был какой-то замогильный.
- Мам...
- Нет, это не мое дело, и я не буду ничего комментировать. Просто мне показалось, что ты ему совсем не безразлична.
- Мы всегда были хорошими друзьями.
- Да, но это ведь не значит, что он не хотел большего...
- Может, и хотел.
- Хочешь сказать, что его Сергей тогда опередил – это же давно у него началось, я уверена.
- Мам, Сергей – это уже давно в далеком прошлом. И потом, у нас с Сережей ничего серьезного не было, ты же знаешь. Если бы Женька хотел чего-то добиться, у него всегда была такая возможность. Я во всяком случае не была препятствием... Наверно, он просто не верил в это.
- Во что?
- В нас.
- И снова молчание.
- Знаешь, не хотела тебе сначала говорить, но он и о твоём... французе сказал.
- И что же? Клял на чем свет стоит?
- Недалеко от истины... хм... Тогда я и подумала, что это ревность.
- На этот раз замолчала я.
- Мам, а у тебя правда все нормально?
- Да, дочь, ОК. Мы с тетей Ноной в театр собираемся в выходные. Она, кстати, тебе тоже привет передает.
- Спасибо. И ей передай. Мам, не скучай – ладно? Пожалуйста...
- Несколько секунд она ничего не говорила: я надеюсь, что собиралась с мыслями, а не вытирала глаза.
- Элина, со мной все хорошо. Только ты обещай мне, что если у тебя что-то пойдет не так, не важно что, ты приедешь домой. Ты слышишь?
- Я затаила дыхание, прекрасно осознавая, что *все* может пойти не так. Но ответила только:

– Хорошо.

Глава 12

До знаменательного события оставался месяц. Целый месяц на то, чтобы привыкнуть к новой жизни, к мысли о том, что я стану той, о ком даже не смела мечтать. У меня постоянно кружилась голова – но не от счастья, а от неуверенности. Я старалась не думать о счастье. Я вообще не знала, буду ли я счастлива с этим человеком. Он пугал меня и одновременно восхищал. Но больше всего интриговал. Мы никогда не разговаривали подолгу, он продолжал всячески избегать говорить о себе. В начале наших отношений я воспринимала это как должное: в конце концов, что нас связывало, кроме взаимного влечения и небольшого расчета? Но теперь, когда я готовилась стать его женой... Иногда меня посещала мысль, что он жалеет о своем предложении. Но потом сразу успокаивала себя мыслью о том, что такой человек, как Лео, никогда не пойдет на компромиссы и не будет мучиться угрызениями совести, нарушив обещание. Я ни минуты не сомневалась, что, раз передумав, он не будет молчать ни дня и я буду первая, кто узнает об этом. И я не боялась, что он передумает: были моменты, когда мне становилось страшно оттого, что он *не* передумает.

Наверно, со стороны могло показаться странным и нелепым мое столь поспешное решение выйти замуж за Лео – особенно после всего, что произошло между нами в Москве. Признаться честно, я и сама временами не верила в то, что делала, что решила на это так поспешно, что вообще смогла довериться этому человеку. Иногда мне даже казалось, что только полная дура или отчаянная авантюристка могла пойти на такое. Ни той, ни другой я не была. Да, моя жизнь потерпела крах; все мои мечты, все, ради чего я жила (хотя, возможно, не всегда отдавала себе в этом отчет), рухнуло в одночасье. И мне некого было винить, кроме самой себя. А впереди... я понятия не имела, что меня ждет впереди. Никто не знает, но у меня не было даже отдаленных наметок, эфемерных идей – я даже не представляла, чего я вообще могу хотеть теперь. Ведь все, чего я хотела всю свою жизнь до этого момента, кануло в небытие и больше не вернется. Я должна была смириться с этим и начать новую жизнь. Жестокие слова Лео о том, что в Москве я теперь никому не нужна, ранили меня, но я не могла не признать, что это просто реальный взгляд на сложившуюся ситуацию. Можно было либо принять ее, либо погрузиться в пучину отчаяния. Как ни цинично это было по сути, но он предложил мне выход, и, поразмыслив и припрятав подальше свои обиды и уязвленное достоинство, я приняла его предложение.

Месяц пролетел как один день. И в то же время как целый год. Я не заметила его, и в то же время получила столько информации, что, казалось, мне не хватит последующих десяти лет, чтобы переварить ее. Единственное, что я хорошо уяснила, так это то, что моя новая жизнь не имеет и никогда не будет иметь ничего общего с прежней.

Я познакомилась с его семьей, его друзьями, коллегами по работе, провела несколько незабываемых дней в головном офисе «MapCo», после чего решила, что ноги моей там больше не будет. Не только потому, что там всем правил Лео (а он именно *правил* – более точного слова не найти), но и потому, что меня угнетала атмосфера этой конторы. Почти от всех я чувствовала желание подсидеть друг друга и страх перед начальством. Сначала я была уверена, что все они боялись отца Лео, который все еще оставался президентом компании. Я не видела, как он руководит, но к такому выводу я пришла после знакомства с этим человеком, о чем расскажу чуть позже. Но в один прекрасный день, когда я заехала за Лео, перед тем как вместе направиться в мэрию, я стала невольной свидетельницей одной не очень приятной сцены.

Ассистент попросила меня подождать в приемной.

– У господина Марэ все еще идет совещание. Подождите еще немножко.

Я села и стала ждать. Из кабинета где-то в глубине офиса доносились повышенные голоса. Когда я прислушалась, то поняла, что голос один и тот же. «Ну и папаша у тебя, Лео», – подумала я. И сразу вспомнила Бориса Натановича. Он никогда не повышал голоса. Его никто не боялся, но все уважали. Здесь в глазах сотрудников угадывался страх. Страх не из уважения, а страх сделать что-то не так и вылететь с работы без выходного пособия. Еще во время моего первого посещения офиса Марэ ассистентка Софи рассказала, как новое начальство «освежило» рабочий состав. Новое начальство... Ну конечно, какая же я дура... Открылась дверь зала для совещаний, и все сомнения ушли. Лео выскочил из дверей с папкой в руках, швырнул ее на стол Софи.

– Подготовь все распоряжения сегодня. Завтра к утру они должны лежать на моем столе с подписью каждого. Ты давно ждешь? (Это уже было адресовано мне.) Сейчас идем. Только забери ключи.

Он пронесся по коридору к своему кабинету. Я встала и украдкой заглянула в зеркало. Я боялась увидеть там то, чего быть не должно. Растерянность? Шок? Или восхищение? «Что за бред?» – подумала я. А тут еще эта фраза, которой меня наставляли с самого детства: «Смотри и запоминай то, как человек относится к другим – так же рано или поздно он будет относиться и к тебе». Бред, бред, бред! Я поправила прическу и попыталась придать лицу уверенное выражение типа «я ничего не боюсь». Из зала совещаний стали выползать люди – уставшие, с красными лицами, отводящие глаза в сторону. В тот момент я им не завидовала: я была уверена, что как минимум половина из них получили уведомление об увольнении в довольно грубой и безапелляционной форме. В Москве я тоже была на их месте. Но они столкнулись с гневом Лео. Что если в один прекрасный день мне тоже придется испытать его на себе?..

Когда он вышел ко мне, я постаралась отогнать весь этот бред и улыбнуться. В конце концов, я не его подчиненная, я никогда не буду работать с ним, я никогда не позволю ему унижать меня так, как он унижил этих людей, своих пока еще подчиненных. Так что прочь все страхи! К тому же назад дороги нет. Я решила рискнуть – и я рискну.

Из всех его коллег мне мало кто хорошо запомнился, за исключением двух-трех человек. Одним из них был Жерар Буке, заместитель управляющего (тот самый, что был с ним в Москве). Я поняла, что этот человек зрелого возраста посвятил «МарСо» много лет своей жизни – может, даже всю жизнь. Он был в курсе всего происходящего в компании, так или иначе курировал все проекты, знал всех сотрудников головного офиса, разъезжал по филиалам. О таких обычно говорят – *правая рука* босса. Что ж, правой рукой он, скорее всего, и был, но только господина Марэ-старшего. А вот что касается Лео, то, как мне показалось с самого начала, они не очень ладили (и как выяснилось позднее, я нисколько не ошиблась в своих предположениях). И я думала, это очень плохо: ведь пока Лео только начинает руководить этой огромной компанией, ему будет просто необходим опыт такого незаменимого человека, как Жерар. Так или иначе он не обойдется без его совета. Пусть он неоднократно доказывал мне, что незаменимых людей нет, тем не менее, я боялась, что в один прекрасный день он столкнется с обратным, но никогда этого не признает, и это может стать его роковой ошибкой.

Также мне хорошо запомнился человек по имени Филипп Бланшар. Он возглавлял рекламное подразделение. Я не знала, что Лео думает о нем, да это и не было так важно для меня. Главное, я поняла, что он принадлежал к той категории людей, которую я старалась обходить стороной. Нет, он был не такой, как Игорь Сладков – маленький царек с кучей комплексов. Это был высокий, стройный блондин, не страдающий комплексом Наполеона. Дураком я бы его тоже не назвала. Но было что-то в его манере, в жестах, во взгляде, что непременно выводило из себя. Он раздражал меня. Да и сальный взгляд явно говорил не в его пользу. А один раз, когда он заговорил со мной о чем-то, не имеющем отношения ко мне лично или к нашим отношениям с Лео, я была почти уверена, что он постоянно намекал... Такие намеки

не спутаешь ни с чем (к сожалению, у меня уже был опыт такого рода). Это было невозможно доказать – только почувствовать. «Этого мне только не хватало», – подумала я тогда. Разумеется, Лео я ни слова не сказала. Но в этом и не было необходимости: он все понял. Я пару раз перехватывала его взгляды, брошенные на Филиппа Бланшар. Это были недобрые взгляды.

Однако все это не представляло для меня особой важности – по крайней мере, в то время. Повторяю, что я не намеревалась посещать офис «МарСо», тем более не собиралась работать там. Коллеги Лео, конечно, играли определенную роль в его жизни, но они не имели никакого отношения к *нашей с ним* жизни. И точка.

А вот родственники имели...

Глава 13

День, когда познакомилась с его семьей, я никогда не забуду.

Мы поехали в их семейный особняк в провинции Рон-Альпы. На самом деле это что-то вроде родового поместья, хотя здесь, во Франции, не принято так говорить. В любом случае, отец и мать Лео постоянно жили в этом доме с тех пор, как Марэ-старший ушел на пенсию. Оттуда он продолжал руководить делами. У него было оборудовано там что-то вроде личного кабинета, куда ему доставляли корреспонденцию, присылали отчеты. Один раз я даже застала там Жерара Буке, который, видимо, приезжал по неотложному делу.

Верхняя Савойя вообще очень живописный район – с его лесами, горными вершинами, укрытыми снежными шапками. Повсюду горные речушки и озера с кристально чистой ледяной водой. Пение птиц, разнотравье, цветы – в общем, подобие рая на земле. Но когда мы свернули на дорожку, посыпанную гравием, и я увидела дом, у меня перехватило дыхание.

За свою жизнь я видела немало красивых архитектурных сооружений – это и дворцы, и замки, особняки, летние и зимние резиденции вельмож, в разных стилях, с элегантною, помпой – на любой вкус. Но этот дом меня сразу покорила. Он стоял недалеко от местечка Анси почти на границе со Швейцарией. Издалека он казался игрушечным. Вблизи – добротным домом буржуазной семьи с приличным достатком – не слишком шикарным, не старинным, но и не новым. Он удовлетворял всем современным капризам: особняк вмещал довольно много комнат, огромную гостиную, в которой, я уверена, хозяева неоднократно устраивали приемы, рабочий кабинет, кухню, столовую, бесчисленное множество лестниц (поскольку все помещения помещались не горизонтально, а, скорее, вертикально) и даже одну очень красивую винтовую лестницу. Но самое главное то, что в этом доме чувствовалась история, жизнь не одного поколения. Проходя в гостиную, я сразу же обратила внимание на черно-белые портреты разных людей. С них на меня смотрели мужчины и женщины эпохи войны. Я заметила сходство. Особенно было что-то очень знакомое в умных глазах, спрятанных под кустистыми, некогда черными бровями пожилого мужчины. Властный взгляд. Он не пугал, не осуждал, не давил, но держал все под контролем. Казалось, от него не скрыться. Потом я поняла, что это был прадед Лео – тот самый, который основал маленькую аптеку, которая спасла столько жизней во Вторую мировую, а после переросла в огромный бизнес, вышедший не только за пределы Франции, но и Европы.

Да, меня покорила люди на фотографиях. Они внушили мне большое доверие, мне стало тепло, когда я смотрела на них. В тот момент я очень сильно захотела, чтобы Лео был похож на них, чтобы они передали ему свою силу и мудрость. Однако знакомство с его родителями спустило меня на землю.

До этого я пару раз мельком видела его отца. В моем представлении остался образ высокого статного мужчины средних лет. В целом благородный образ настоящего французского буржуа. Таким я его представляла. Но после официального знакомства мое мнение изменилось.

Меня потрясло его сходство с Лео. Черты лица, взгляд, что-то в изгибе губ. Нет, Лео, конечно, не был его копией, но схожесть черт была налицо. И если в случае с прадедом на фото я была только рада фамильному сходству, то в этом случае я не испытала ничего подобного. Скорее, я была немного потрясена. Я не могла этого объяснить тогда – это сейчас я знаю много чего, что могло бы пролить свет на эту загадку. Возможно, Марэ-старший мне просто не понравился с первого взгляда. Нет, не внешне – он был очень симпатичным мужчиной для своего возраста, с любой точки зрения. Он производил впечатление интеллигентности, надежности, важности. Но было что-то в его лице, что отталкивало меня. Я не могла понять, как это возможно. Он же отец Лео, моего Лео, человека, с которым я собираюсь связать свою жизнь. Он похож на него, так же как и прадед на черно-белом фото, и дед в военной форме армии Сопротивления, и другие, в чьих жилах течет кровь Марэ... Но от этого красивого седовласого человека почему-то веяло холодом. Он улыбался, любезно разговаривая со мной, но у меня по телу бежали мурашки, хотя я не замерзла. Я хорошо помню тот день и то ощущение, которое очень часто вспоминала впоследствии.

Его мать произвела на меня совсем другое впечатление. Она была примерно одних лет с мужем, и на первый взгляд это была идеальная пара. Но только на первый... Со мной она была немногословна, и я поняла, что она всегда такая. Ее лицо не выражало почти никаких эмоций. Она вяло пожала мне руку, которая была холодной как лед. Еще холоднее моей. В глазах не было ни радостного блеска, ни печали. Если бы не обстоятельства нашей встречи, я бы решила, что женщина пребывает в трансе. И только случайно поймав ее взгляд, мимолетно брошенный на мужа, когда тот что-то говорил, я уловила в нем затравленное выражение. Я вспомнила слова Лео, что его мать всегда была под каблуком у отца. В это было несложно поверить. Как и в то, что отношения сына и родителей – особенно Лео и отца – оставляли желать много лучшего. Мне стало как-то не по себе, оттого что я поняла это при первой же встрече. Они – все трое – даже не пытались скрывать натянутость. Отец был явно чем-то недоволен, мать нервничала. В воздухе чувствовалось электричество. По своей натуре миротворец, я хотела было сказать что-то для того, чтобы хоть немного разрядить атмосферу, но что-то остановило меня (я надеюсь, здравый смысл), и тогда я решила для себя раз и навсегда: никогда не лезть в их дела. Их проблемы, какими бы они ни были, меня не касаются.

Постепенно я познакомилась и с другими членами семьи Марэ, но сейчас подробный рассказ о каждом из них не имеет смысла. И если честно, я не могу похвастаться тем, что запомнила их всех поименно. Могу только сказать, что их было очень много – родственников, съехавшихся из разных концов Франции на праздник Пасхи. Лео рассказывал мне, что они все съезжаются так два раза в год – на Рождество и на Пасху. Это была традиция, которую нельзя нарушать. Я не знаю, из каких побуждений они строго придерживались ее, наверно, они просто не могли оскорбить мать Лео...

Единственный, кто не мог не запомниться мне и о ком я обязательно хотела бы сказать, это тетя Лео, сестра его отца – Бланш. Она единственный член семьи Марэ, который сразу же расположил меня к себе. Более доброжелательного и приятного человека я не встречала со дня моего переезда в Париж. Возможно, она была такой милой по своей природе, но я думаю, все дело в том, что она совсем не похожа на остальных Марэ. Я не могла поверить в то, что она сестра его отца, и до сих пор не могу. Но кажется, я нашла одного союзника в этом чужом и непонятном мире...

Что касается друзей Лео, их было много, но все неблизкие. Кроме Дидье. Он был чем-то вроде *alter ego*, хотя более несхожих людей я не встречала. Лео – интроверт, Дидье – душа компании. Лео довольно тяжело сходится с людьми, Дидье заводит друзей молниеносно. Лео – человек, которому очень тяжело угодить (по крайней мере, все так думают после первой

встречи с ним). Дидье обладает талантом располагать к себе людей после первого же общения. Прямо как мистер Дарси и мистер Бингли. Сначала их дружба казалась мне невероятной...

И Нинель. Нинель была третьей в их неразлучной компании. Сначала меня немного шокировала их странная дружба. Но Нинель просто не могла не понравиться: все в ней, казалось, источает свет, мягкий и теплый. Они подружились еще в школе и стали неразлучными. Маленькая девочка и два мальчика, которые постоянно кидались на ее защиту. В школе они по очереди носили ее портфель и каждый день покупали сладости. Они всегда относились друг к другу как друзья – никакого намека на любовный треугольник, а тем более – что-то неприличное. Мы довольно быстро сдружились с этой рыжей кудрявой девчонкой. Она столько всего мне рассказала про их честную компанию, что я стала воспринимать ее как сестру Лео и от всей души надеялась, что она примет меня за свою.

Что же касается его бывших... Я не сомневалась, что они повсюду, но, к счастью, никому не пришло в голову знакомить меня с ними. Пару раз я замечала враждебные женские взгляды, когда была с Лео в ресторане, в клубе или просто в кругу его друзей, но каждый раз я делала вид, что меня это мало волнует. Пожалуй, исключением была Роксана.

О ней мне рассказала Нинель. Речь тогда зашла об одной «бывшей девушке», которая страдала легкой неврастенией.

– Они у него все такие?

– Не все, но есть.

– Это из-за него?

– Что, что крыша из-за него ехала? У этой точно съехала. Я думаю, она просто была склонна к такому, не бери в голову. Знаешь, Элина, я сейчас думаю, что у него вообще серьезных отношений никогда и не было. Ну если только с Роксаной... Хотя там была чистая физиология – страсть, секс и все такое.

– Кто такая эта Роксана?

– Да так, одна расфуфыренная леди-вамп. Очень высокого мнения о себе, считает себя неотразимой и неподражаемой.

– Красавица?

– Нет, что ты. Просто... эффектная. Яркая.

– Мужчины любят таких как она.

– Пока не встречают таких как ты.

А через несколько дней после этого разговора я имела честь познакомиться с ней. Не могу сказать, что это была приятная встреча. Я видела и других его девушек, но ни одна из них не произвела на меня такого неприятного впечатления. И дело было не в ревности. Она просто вызвала во мне протест. Прежде всего, как человек, а не как бывшая любовница моего будущего мужа. Да, она была достаточно красива и, как правильно сказала Нинель, эффектна. Я понимала, что как бы я ни выглядела, мне никогда не сравниться с ней. Разумеется, это было последним, что я хотела. Просто я понимала, что если Лео предпочитал таких женщин (а его отношения с ней были, пожалуй, самыми длительными), то это еще одно очко не в мою пользу.

Когда нас представили, она смерила меня таким взглядом, словно говорила: «Ну что вы, это же несерьезно... Это ненадолго. Он наиграется и бросит». Я попыталась ответить ей таким же взглядом, продемонстрировав, насколько мне безразлична она и ее мнение обо мне. Но еще несколько дней я не могла сбросить с себя неприятный осадок от этой встречи.

Глава 14

...Модный ночной клуб. За три недели до свадьбы. Нинель устроила мне девичник. Точнее, не совсем девичник – скорее, пародию на него. Там были только мы с ней, еще пара знако-

мых девчонок, которые учились вместе с ними в школе, и его двоюродная сестра Мари, единственная из его родственников-сверстниц, с которой я общалась.

Девчонки смеются, всю гремит музыка, а я подношу к губам стакан с каким-то диким коктейлем и совершенно не верю в происходящее. У меня кружится голова – уверена, что не от выпитого алкоголя. Все как будто во сне.

– Брось, Элина, все будет здорово, – говорила Нинель. – Свадьба – не инаугурация.

Я хохотнула.

– В моем случае примерно то же самое...

Нинель засмеялась.

– Не пойму – ты драматизируешь или иронизируешь?

– И то и другое. – Я отставила стакан: хватит! – Откуда ты знаешь? Ты же не была замужем!

– А что там знать... У меня столько друзей и подруг переженились. Ты даже не представляешь, на скольких свадьбах я была!

– Французская свадьба отличается от русской?

– Если бы я знала... Я не была на русской свадьбе. Какая она?

– Много шума, алкоголя, песен, танцев. И тамада.

– Тамада? Это кто еще такой?

Как было объяснить ей это?

– Боюсь, словами не описать. Это нужно увидеть.

– Хочу на русскую свадьбу! У тебя там случайно никто замуж не выходит?

– Нинель, – я посмотрела ей прямо в глаза. – Ты знаешь Лео почти всю жизнь. Ты думаешь, он действительно этого хочет?

Она перестала смеяться и серьезно посмотрела на меня.

– Я знаю его достаточно, чтобы уверить тебя в том, что он никогда не будет делать того, чего *не* хочет. Его очень трудно заставить. Если он хотя бы почувствует что-то подобное, поверь мне, он приложит все силы, чтобы получилось не так, как от него ожидают, а ровно наоборот.

– А тебе не кажется странным, что он решил жениться так внезапно? И на мне?

– В смысле?

– Я ведь с другой планеты, Нинель. Мы знаем друг друга совсем недолго. Я... я видела девушек, с которыми он встречался. Я не похожа ни на одну из них.

– Именно поэтому он и женится на тебе.

– Ты не понимаешь...

– Я понимаю, Элина. Ты так говоришь, потому что это всегда волнительно и ты всегда сомневаешься. Все сомневаются. Это нормально! Ты ведь любишь его?

– Да. Я просто...

– Сомневаешься, любит ли он тебя?

– Нет. Не совсем... Просто я его до сих пор не знаю. Он окутан тайнами, Нинель. Он мало что рассказал мне о себе. О своем прошлом. Я только строю догадки.

– А ты не строй. Ты спроси напрямую, что тебя тревожит. Лео не из тех, кто много болтает, особенно о себе. Но он расскажет, если ты его попросишь.

Но получилось, что я так и не попросила. Обстоятельства сложились иначе.

За неделю до дня свадебной церемонии я заехала к Лео в офис, мы договаривались встретиться позже, но я освободилась раньше и приехала за ним сама. Софи сказала, что он не занят, но, подходя к его двери, я поняла, что он не один. Я услышала мужские голоса.

– Ты не собираешься ей сказать? – знакомый голос Дидье.

– Конечно, собираюсь. Только не сейчас, – ответил Лео.

– А когда? После? Ты думаешь, это справедливо?

– Что справедливо? (Я услышала в голосе Лео раздражение, я как будто видела, как он закатывает глаза.) Что я должен, по-твоему, сделать? Рассказать все сейчас?

– Не знаю... Это тебе решать, но... по-моему, она имеет право знать сейчас, пока она еще может... подумать.

– Ха... Думаешь, я хочу отрезать ей пути к отступлению? Она будет вольна делать все, что хочет. Я не собираюсь брать ее в заложники.

Затем повисло молчание. Я не могла понять, о чем они говорят. Я могла только догадываться, что речь обо мне и о чем-то, что я не знаю, но должна знать. Я не видела лица Лео, но я хорошо изучила интонации его голоса: этот разговор раздражал его. Сильно раздражал. Он не хотел говорить об этом.

Дидье встал и, похоже, направился к двери.

– Ладно, решай сам. Это твое дело.

– Да, мое.

Дидье открыл дверь. Я улыбнулась ему и сделала вид, что только что подошла и очень удивлена этой встрече.

– Элина! Сюрприз!..

– Привет, Дидье! Как поживаешь?

– Лучше всех. Заходи, он ждет.

Он ушел. Я зашла в кабинет. Лео стоял у большого окна с наполовину опущенными жалюзи.

– Ты рано. – Он обернулся. Его лицо было невозмутимым.

– Да. Освободилась раньше. Ты не против?

Он подошел ко мне. Очень близко. Его взгляд пронзал насквозь. Я не могла понять, что в нем было – недоумение, страх или нежность. Все вместе или ничего.

– Это хорошо. Поехали домой.

И я забыла об этом странном подслушанном разговоре.

Почти на два года.

Глава 15

За несколько дней до свадьбы Бланш Марэ пригласила меня к себе в галерею. Да, она была владелицей картинной галереи – небольшой, но очень занимательной: в ней были представлены такие необычные – как кричащие, так и трогательные – работы, которые не могли не заинтересовать. Я почти не ощущала скованности в обществе Бланш – в ней не было ни фальши, ни высокомерия. Устроив краткую, но информативную экскурсию, она пригласила меня выпить кофе в ее кабинете. Он был такой же – уютный, со вкусом обставленный.

Сев напротив, она тепло улыбнулась – скорее всего, для того, чтобы я расслабилась и почувствовала себя как дома. Вообще-то, ей не было нужды утруждать себя – мне было и так хорошо здесь.

– Волнуешься? – спросила она.

– Почему?

– Перед свадьбой.

Я улыбнулась.

– Немного. Это... впервые.

Мы обе улыбнулись друг другу.

– К сожалению, это часто бывает в первый, но не в последний раз. Печально, но факт.

Я серьезно посмотрела на нее, но ничего не сказала. Она продолжила:

– Нет, ты не думай, что я такая ханжа, которая выступает против разводов и полигамии.

К сожалению, мы так устроены, что часто не в состоянии сдержать свои обеты.

Я молчала и понимала, что в глубине души у меня растет восхищение этой женщиной.

– Ну вот, а теперь ты подумаешь, что я ратую за развод.

– Все нет, наверно, вы просто реалист, – возразила я.

– Знаешь, мне брак не принес ни любви, ни счастья, ни детей. Только долги и разочарования. Но это не значит, что у тебя должно быть так же.

Она взяла меня за руку.

– Я вовсе не хочу тебя обнадеживать, Элина, уверяя тебя, что все будет хорошо. Лео не идеальный. Я знаю, таких вообще нет, но я имею в виду то, что он совсем не подарок. Да, он мой племянник, которого я очень люблю, но это не мешает мне видеть и говорить о его недостатках. Ты мне нравишься, и я бы хотела хоть немного подготовить тебя к тому, что ждет тебя впереди.

– Я тронута, Бланш, правда, но я понимаю, во что ввязалась. Я, конечно, не знаю его так, как вы, но понимаю, что легко не будет. На самом деле... может, когда-нибудь я расскажу вам о том, что толкнуло меня на этот шаг. Просто сейчас я не хотела бы говорить об этом.

– Я понимаю, не надо ничего говорить. Достаточно того, что я в курсе, как вы познакомились: он как будто специально за тобой поехал в Москву... И хотя иногда его поступки за пределом моего понимания, в них всегда есть смысл. И в этот раз он, похоже, точно не ошибся.

– Почему? Вы же меня совсем не знаете...

– Я немного знаю людей. И кое в чем разбираюсь, поверь мне.

Я почувствовала, как в душе разливается тепло.

– Спасибо, Бланш. Наверно мне было очень нужно услышать это. На самом деле, я ведь совсем не знаю Лео. И временами меня это пугает.

– Но не настолько, чтобы остановиться?

– Нет. У меня нет дороги назад.

– Дорогая, всегда есть дорога назад, не говори так.

– Вы просто не знаете... Я сама приняла это решение, и у меня было время подумать.

– Что ж, тогда я надеюсь, что оно было правильным. И пусть тебя не пугает то, что ты его не знаешь. На самом деле, мы редко знаем своих супругов в начале совместной жизни. Нужно время. Иногда годы. А иногда вся жизнь.

Она замолчала и, мне показалось, унеслась мыслями куда-то в прошлое. Я поняла, что мне пора уходить.

– Спасибо, что пригласили меня. И что сказали мне все это.

– О чем ты! Ты теперь член семьи.

– Еще пока нет.

– Ну это вопрос... скольких дней? Уже меньше недели.

– Да, всего лишь. До свидания.

– До свидания, Элина.

Я дошла до двери, но не могла отделаться от мысли, что если не спрошу ее об этом сейчас, очень пожалею об этом позже.

– Бланш...

Когда я обратилась к ней, мне кажется, мой голос дрогнул.

– Да? Что-то случилось?

– Нет... да... я не знаю. Не знаю, имею ли я право спрашивать вас об этом, но кое-что не дает мне покоя.

Она указала мне на маленький диванчик у окна. Когда мы сели, она приготовилась слушать.

– Мне кажется, Лео что-то скрывает от меня, что-то серьезное. Мне даже кажется, что он несколько раз порывался рассказать мне об этом. Я понятия не имею, о чем, и это не дает мне покоя. Если это что-то семейное, о чем я не имею права знать, я не буду настаивать...

– Как я уже сказала, ты вот-вот станешь семьей. – Она тяжело вздохнула и взглянула на меня как-то особенно печально. – И я думаю, ты имеешь право знать.

Я почувствовала, как мое сердце пропустило удар, – я словно перестала дышать.

– Элина, у Лео была очень бурная молодость. Я думаю, ты знаешь об этом.

Я кивнула, готовая услышать... сама не знаю, что.

– Закончив школу, он очень изменился. Рассорился с отцом, огорчал мать. Одно время с ним вообще было невозможно общаться. Его словно захватили некие темные силы и кидали в крайности. Вернувшись из армии, он серьезно занялся спортом – плаванием и серфингом. С одной стороны, мне не очень нравилось все это, потому что он совсем не хотел думать об учебе. Но, с другой стороны, это хоть немного обуздало его. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Я кивнула.

– Одно время мы даже думали, что он станет профессиональным спортсменом. Не то чтобы я очень радовалась, я знаю, какой это труд, перегрузки, боль... Но мне казалось, он стал спокойнее. Он постоянно участвовал в соревнованиях по плаванию – профессиональных, не любительских. Друзья прозвали его человеком-амфибией. А потом он увлекся серфингом. Это было еще сложнее, требовало больше усилий и тренировок. Он говорил, что в плавании ему не хватает адреналина...

Я осознала, что почти не дышу.

– Тренировки были бешеные, не знаю, как это вообще можно было выдержать. Во время одной из них он сломал руку – неудачно выпрыгнул из волны. Операция была несложная, серьезных повреждений не было, и он быстро пришел в форму. Но он рвался продолжить полноценные тренировки. Ему прописали таблетки, которые унимали ноющую боль, которая постоянно сопровождала его.

Я похолодела: я поняла, к чему она клонит.

– И однажды таблетки перестали действовать, и он попробовал опиум, потом кокаин, потом пересел на ЛСД. Да, когда это уже стало очевидным, я начала лихорадочно соображать, что с ним делать. Ему нужно было срочно помочь. Я пыталась поговорить об этом с его матерью, но она только причитала, что ничего не может с ним сделать. Я поняла, что нечего рассчитывать на нее – ей самой нужна помощь... Элина, ты не представляешь, что я пережила в те дни. Я всегда любила его как сына, которого у меня никогда не было. Я сходила с ума от отчаяния, потому что ощущала полную беспомощность. Я столько раз пыталась говорить с ним, объяснить, что он губит свою жизнь. Ты понимаешь, что это было бесполезно: он посылал всех, кто пытался, и убегал, хлопая дверью.

Когда она переводила дыхание, я кожей чувствовала, как ей было тяжело тогда и как тяжело сейчас.

– Это случилось, когда его пригласили на какую-то вечеринку. В какой-то бар. Я, конечно, никогда там не была, но могу себе представить, что они там делали. Мне позвонили после четырех утра, сказали, что его увезли на скорой. Я первым делом подумала про несчастный случай на машине или мотоцикле... Но когда пьяные всхлипывания на том конце провода немного утихли, я услышала, что врачи боятся, что не успеют откачать его... Говорят, в экстремальной ситуации у нас появляются силы, о которых мы и не подозреваем. Я бросилась туда, полетела в больницу, в которую его повезли. Я не знаю, как сама не попала тогда в аварию... Когда я приехала в отделение и носилась по всему этажу в поисках хоть кого-то, кто скажет мне, что происходит, я, наверно, пережила все девять кругов ада.

Когда она посмотрела мне в глаза, там стояли слезы... и боль, которая пронзила и меня.

– Его откачали, как ты понимаешь. Едва, как мне рассказал врач. Он заливал ЛСД алко-голем. Доктор вообще не понимал, как он жив остался. Когда его выписали из больницы, отец договорился о реабилитации в специализированном диспансере. Он, естественно, сопротивлялся, крыл всех на чем свет стоит. Это было ужасно, невыносимо. Но когда он выписался...

Я одна приехала за ним. Он четко дал понять, что не хочет видеть ни отца, ни мать. Знаешь, в чем-то я была с ним согласна: Женевьева со своими стенаниями только бы еще больше его разозлила, а с отцом у него вообще все сложно. Сложнее не придумаешь. Не знаю, что конкретно произошло с ним там, но он изменился. Говорить, что он осознал что-то, я бы не стала – боюсь, Лео не из таких... Но когда мы ехали домой и я попыталась спросить, что он собирается делать дальше, он сказал, что если я про наркотики, то он больше никогда в жизни не попробует ни одного. Он произнес это так резко и категорично, что я не стала больше говорить об этом. С тех пор я просто молилась, чтобы это было так. И знаешь, Господь услышал мои молитвы. Я всегда боялась говорить, даже думать, но с каждым годом я все больше и больше верила, что он никогда не вернется к этому.

Она снова посмотрела на меня: на этот раз я увидела свет в ее глазах. Я попыталась улыбнуться, но поняла, что мое лицо застыло от слез.

– Я много беседовала с его лечащим врачом там, в диспансере. Много из того, что он сказал, привело меня в ужас. Наркомания – неизлечимая болезнь. Человек, получивший наркотическую зависимость, не может вылечиться, избавиться от нее раз и навсегда – он может только контролировать себя. Стоит один раз сорваться – и все начнется заново. Тогда я поняла, что нужно быть очень сильным человеком, чтобы справиться с этим. Я не знала, получится ли у Лео...

Она неожиданно взяла меня за руку.

– Теперь я знаю, что у него получилось. Я рассказала тебе это не для того, чтобы ты боялась. У каждого из нас есть свои темные пятна, которые не смыть, как ни старайся. Но это прошлое, а впереди всегда есть будущее. И я верю, что у вас с Лео оно есть. Конечно, оно вряд ли будет безоблачным, но у вас есть все, чтобы устоять. Поверь, у меня есть основания так думать.

Я хотела спросить ее, почему она так уверена в отношении меня, но она опередила мой вопрос.

– Не удивляйся, я же сказала, что кое-что понимаю в людях.

– Но почему вы думаете, что я сильная? Я ведь сама этого не знаю.

Она стерла последний след от слез на щеке и подмигнула мне.

– А иначе он бы тебя не выбрал.

...Покинув галерею, я решила не брать такси и не спускаться в метро. Мне был необходим свежий воздух. Сначала я шла, не совсем понимая куда. Видимо, не только мой разум был сбит с толку тем, что я узнала.

Итак, тайна Лео, над которой я ломала голову столько времени, перестала быть тайной. Цель достигнута, но стало ли мне легче? Что изменилось? Как это повлияет на меня, на мое отношение и мои чувства к нему и повлияет ли вообще?..

Мы все имеем тайны, и все имеем право на них. Как сказала Бланш, прошлое не выбирают. Каждый из нас хотел бы что-то изменить или предать забвению. И уж конечно, никто из нас не без греха. *«Но наркотики?!»* – шептал мне мой здравый смысл. – *«Ты согласна провести свою жизнь с наркоманом?»* *«Бывшим»*, – отвечаю я. – *«Не бывает бывших, ты же слышала, что сказала Бланш, – с этим живут всю жизнь!»* – *«Да, но ведь с тех пор прошло столько лет, он поборол зависимость...»*

Я пыталась припомнить какие-нибудь странности в его поведении. Резкие смены настроения? Повышенная раздражительность? Неадекватные реакции? Нет. Скорее, внезапные уходы в себя, в некий мир, в который нет доступа другим. Да. Но мне всегда казалось, что причиной этого могло быть что-то совсем иное...

Возможно, я просто успокаивала себя, пыталась убедить, что все хорошо, но было еще не поздно повернуть назад, и я могла это сделать прямо сейчас. Но почему-то именно в этот

момент перед глазами всплыло самодовольное лицо Игоря Сладкова и эта мерзкая ухмылка на его губах... И я ужаснулась от одной только вероятности того, что отныне и впредь моя прошлая жизнь будет ассоциироваться с этим человеком. И если я снова вернусь к ней...

Я стою на переходе, передо мной мигает красным светофор. Я жду, когда загорится зеленый. И мне кажется, что время остановилось – в ожидании, когда я приму одно из самых важных решений в своей жизни.

Глава 16

Больше всего я боялась склянок³...

Сначала я надеялась, что помпы удастся благополучно избежать. Никакого торжества, никаких толп гостей с кучей подарков, ни бантиков, ни воздушных кринолинов, ни громкой музыки. Ничего, что хотя бы как-то ассоциировалось у меня со словом «свадьба». За месяц до знаменательного события я была спокойна: он тоже не любил весь этот карнавал, более того – просто ненавидел. Но когда я поняла, что в свои руки все берут друзья и родственники со стороны жениха, было уже поздно. Последующие события повергли меня в настоящий шок. Все время я была абсолютно уверена, что его родственники палец о палец не ударят – им же была противна сама мысль об этом браке.

Лео поссорился с отцом накануне свадьбы. Марэ-старший несколько дней не приходил в себя после той жуткой ссоры; когда я случайно столкнулась с ним тогда, я не на шутку испугалась: он был не красным, а, скорее, багровым – то ли от злости, то ли от бессилия. И тогда я стала по-настоящему переживать. Я меньше всего хотела вставать между Лео и его семьей. Конечно, здравый смысл твердил, что Лео достаточно взрослый, чтобы решать, с кем жить. Но с кем жить – это одно, а на ком жениться – совсем другое. Я знала, что их отношения всегда были натянутыми, а в последнее время – особенно. Но что я могла сделать? Мне нравился Лео, я была без ума от него. Я хотела только Лео – вопреки всему, что узнала о нем и о чем еще не подозревала. И самое главное – я была уверена, что вот-вот полюблю его. Я знала, чего ожидать от этого брака, я подготовилась к тому, что мне придется через многое пройти, чтобы завоевать если не любовь, то, по крайней мере, уважение его родных. Я знала, что придется терпеть его внезапные, необузданные вспышки гнева, пусть даже и направленные на кого-то третьего. А самое главное – мне придется учиться жить по-другому, так, как я никогда не жила раньше. Я никогда не смеялась над словами «люди с разных планет», они никогда не казались мне банальным или нелепым сравнением. Потому что я и Лео были живым олицетворением этой метафоры. Мы были людьми с разных планет... Которые сегодня готовились дать клятву верности друг другу.

Несмотря на то, что весь последний месяц я прожила в его квартире в Сен-Жермен, последнюю ночь мне пришлось провести в гостинице. На этом настояла мать Лео. Я не считала это странным, хотя мне пришлось стать свидетельницей очередной баталии между Лео и мадам Марэ. Когда все немного успокоились и жениху пришлось расстаться с невестой до следующего дня, довольная собой мадам Марэ лично отвезла меня в лучшую гостиницу в районе. Более того, она пыталась убедить меня провести эту ночь в их доме, но здесь мадам пришлось признать свое безоговорочное поражение. Я не хотела, чтобы меня стошнило перед свадьбой от одного вида будущего свекра. К тому же ко мне приехала мама и подруги. Я уговорила Лео решить все проблемы с визой и оплатить им перелет и гостиницу.

– Пожалуйста, бери столько денег, сколько тебе нужно, – говорил он. – Но мне некогда заниматься всем этим сейчас.

³ Свадебная традиция во Франции – прицеплять пустые склянки к машине молодоженов.

– Что?.. А что я должна делать? Как я могу им помочь? Ты не забыл, что у меня нет ни связей, ни друзей в миграционной службе? Или ты не хочешь, чтобы на свадьбе были мои родственники?!

– Только не начинай, пожалуйста!

– А я и не начинаю! Ты здесь живешь и жил всю свою жизнь. Здесь все твои родные и друзья! Я бросаю все, что мне дорого, – ради тебя, а ты даже не можешь устроить так, чтобы самые дорогие мне люди были рядом со мной в такой день!

Он мог устроить это, даже не вставая с кресла в своем кабинете. Он просто набрал нужный номер, и на следующий день приглашения и визы были готовы, билеты забронированы и все формальности соблюдены.

И вот теперь я готова ехать в мэрию.

Машина подъехала ровно в половине десятого. Я не видела его в этот день, не звонила ему, не имела понятия, где он был всю предыдущую ночь и чем занимался. Он не позвонил мне и утром. Я старалась не думать об этом. Иначе... Когда я села в машину вместе с мамой и Катей, я боялась, что они услышат бешеный стук моего сердца. Мне всю ночь снились кошмары: они были безликие и обрывочные, но я знала, что в каждом я оставалась одна, он не приезжал, он убегал, он смеялся. Я дала себе слово, что никому не расскажу об этом. Это ведь даже не мои страхи – я никогда даже не думала, что он может так со мной поступить. Но, возможно, это было подсознательно, возможно, я всегда боялась, что он исчезнет из моей жизни – именно тогда, когда будет так нужен.

Но когда мы прибыли в мэрию, он был там. Первым я увидела Дидье и сразу же почувствовала, как с души упал камень. Его теплая улыбка в миг рассеяла мои нелепые опасения и страхи. Сейчас все будет позади, и начнется новая веха моей жизни...

После регистрации мы поехали в Довиль. Да, тот самый модный северный курорт с разноцветными зонтиками. Это была моя прихоть. Сказать, что все были удивлены, – ничего не сказать. Но Лео не стал возражать, он просто сказал: «Едем в Довиль». И мы поехали. Всей кавалькадой. Мне казалось, что мы создаем столько шума, что слышно во всех уголках Нормандии. Приехав на место, мы высыпали из машин, кто-то раскрыл несколько бутылок шампанского, брызги от которого смешались с дождем. Мы даже не заметили, когда он пошел – нам было все равно. Мы смеялись, кричали, потом кто-то подхватил меня на руки и закружил. Я побоялась по-настоящему упасть в обморок и начала кричать, и только тогда поняла, что это, конечно же, Лео – тот ветер, что кружит меня как снежинку.

...Когда мы возвращались из Довиля, я боялась, что страшный звук от склянок уже успел долететь до Онфлёра, Руана, Гавра и вот-вот захватит еще и кусочек Центральной Франции. Причем сначала на них и намек не было, и я даже не знаю, кто посмел такое выкинуть... Видимо, кто-то из друзей Лео узнал о том, что я очень боюсь дикого грохота, и решил так жестоко пошутить. Наверно я никогда не забуду лицо Лео, когда автомобиль тронулся и он услышал эти непередаваемые звуки... Если бы не хорошее настроение и шампанское, он бы определенно взорвался. К счастью, мы избавились от них по дороге...

Мы вернулись в гостиницу к семи часам. Там Марэ арендовали банкетный зал для приема. По их меркам, скромный. Поскольку отец Лео играл не последнюю роль в общественно-политической жизни Франции, на прием были приглашены политики, общественные и культурные деятели. Так было принято. Они присутствовали только на «официальной» части приема – часа два, не больше. После их отъезда начинался сам банкет – для родственников и близких друзей. Тут всем заправляла Нинель. Я думала, что знаю, на что иду, отдавая все в ее руки. Она сама придумала оформление, заказала особое меню, подобрала музыку и освещение. Во всем этом было, безусловно, слишком много суеты, но – надо быть честным с самим собой – в глубине души я была в восторге. Где-то глубоко в подсознании я, наверно, всегда хотела

такую свадьбу: роскошный зал в барочном стиле, элегантные мужчины и женщины, море цветов, звон бокалов, приглушенная музыка (как на подбор – все известные романтические композиции, Нинель постаралась на славу), все роскошно, но скромно. Я в узком атласном платье от Карла Лагерфельда, и Лео в строгом черном костюме, белой рубашке со стальным галстуком, который очень скоро, я подозревала, окажется где-нибудь на столе среди пустых бокалов и нераскрытых подарков. Гостей было немного, но мне казалось, я почти никого не знаю. Сначала я чувствовала себя инородным телом, попавшим в чужую среду. Но вскоре Нинель и Дидье, а также шампанское исправили положение. Нинель буквально ловила в этом кайф: она словно была одновременно в разных концах зала, то напоминая официанту, что пора подавать десерт, то советуя приглушить освещение, то ругая диджея за то, что он поставил *Broken Vow*⁴. Дидье ходил по всему залу, не выпуская из рук камеру. Я не знала точно, что он задумал, но вид у него был очень хитрый. Лео бросил на него пару недобрых взглядов, но это было, скорее, демонстрацией обычного поведения в его стиле, чем высказыванием недовольства.

Когда закончилась вереница поздравлений, мы танцевали. Много танцевали. Я никогда столько не танцевала – ни с Лео, ни с кем-то другим. Все началось с *I Don't Wanna Close My Eyes*⁵, *Please Forgive me*⁶ и прочей классики, достигло апогея на *You Are Simply the Best*⁷ и *Chandelier*⁸ и завершилось под *Lana del Rey* и *Muse*. Я знала, что Лео занимался танцами в школе, но от себя я таких пируэтов уж точно не ожидала.

Когда все закончилось, мне казалось, что я не стою на ногах, а парю в воздухе. Все разъехались, кроме родителей Лео, Бланш, моей мамы и Кати. Во время приема я часто видела, как мама общалась с Бланш. Они обе немного говорили по-английски и неплохо нашли общий язык. Мама не плакала. Я не видела ни одной слезинки в ее глазах. Ну, может, только один раз, когда я ставила подпись рядом с подписью Лео. Она ни разу не упрекнула меня в моем выборе. После того разговора в Москве в день моего увольнения мы к этому больше не возвращались. Катя тоже была на высоте. Я еще раз порадовалась, что не пригласила других подруг, особенно Лену, которая не переставала твердить мне каждый день, что я сошла с ума, выходя замуж за парня, который уже один раз меня подставил. Что толку было ей объяснять – она все равно никогда не поймет.

Когда мы наконец добрались до нашей квартиры, было около пяти часов утра. Значение брачной ночи весьма преувеличивают. Не знаю, у кого хватает сил на что-то еще, кроме того чтобы доковылять до кровати и упасть, едва успев стащить с себя платье. Нам с Лео, правда, удалось зайти чуть дальше. К этому часу алкоголь почти прекратил свое действие и, хотя за окном было светло, ночь еще не совсем отступила, передавая свои права дню. Мы занимались любовью до того, как первый солнечный луч уходящего лета прокрался в открытое окно. Я ощутила его на себе – почувствовала, как солнечный зайчик пробежал мимо нас, озорно подмигнув и растворившись где-то наверху. Это была усталость. Но это была и легкость. Несравнимая ни с чем *легкость*...

Глава 17

На медовом месяце я останавливаться не хочу, хотя это, наверно, был самый счастливый период, проведенный вдвоем с Лео, хотя и недолгий. При том что сначала он мог обернуться

⁴ «Нарушенная клятва». Песня из репертуара Лары Фабиан.

⁵ «Не хочу закрывать глаза». Песня группы «Аэросмит».

⁶ «Пожалуйста, прости меня». Песня Брайана Адамса.

⁷ «Ты лучше всех». Песня Тины Тернер.

⁸ «Люстра». Песня Сиа.

полнейшей катастрофой, крушением моей давней мечты – мы так и не поехали в Венецию. Сначала я надеялась, что он все-таки согласится, я поставила ему ультиматум.

– Неужели ты не можешь сделать для меня хотя бы это? У нас всего две недели вместо целого месяца!

– Сейчас там нечего делать – там одни туристы. Съездим позже.

– Я хочу сейчас! Неужели даже эти несчастные две недели я не могу провести там, где хочу?

– Ты не знаешь, чего хочешь. Венеция сейчас не место для медового месяца. Ты сойдешь с ума там!

– Просто ты все хочешь сделать по-своему, как всегда...

До скандала, конечно, не дошло, но я целый день не хотела с ним разговаривать. А потом еще его вызвали на какое-то срочное совещание. Позвонил Жерар, как раз когда мы упаковывали чемодан. В тот момент я готова была убить их обоих. И взорвать в придачу все «МарСо». Хорошо же началась моя семейная жизнь!

И тем не менее, мы все же уехали. Не в Венецию, а на Ривьеру, как ни банально это звучит. Но это была совсем не та Ривьера, которая укоренилась в сознании большинства людей как символ богатой жизни, с набережной Круазет, казино, пьяными вечерниками и туристами-толстосумами. Нет, Лео познакомил меня со своей Ривьерой, и она была далека от стереотипа. Я даже подумать не могла, что в Ницце могут быть такие места, где практически нет людей, только одинокие бухты, легкий плеск волн, пение цикад. Дней десять мы просто были там вдвоем, гуляли, лежали на пляже, который принадлежал только нам двоим, купались, когда садилось солнце, окрашивая воду в невероятные оттенки. Я никогда не думала, что это именно то, что нужно. Я никогда не любила пляжный отдых. Мне всегда нужны были впечатления, эмоции. Я и не думала, что впечатления и эмоции нужно искать в себе.

Потом мы сели в машину и проехали по всему побережью от Ниццы до Монте-Карло. Однажды кто-то мне сказал, что это самая живописная дорога в мире – в Европе уж точно. Хотя и самая опасная. У меня все время кружилась голова, но я не знаю, то ли от крутых поворотов серпантина, то ли от вина, которое мы дегустировали на каждой остановке, то ли просто от счастья. Доехали до Италии, провели пару дней на озере Комо, а потом – до Лидо и назад. Так завершился мой медовый месяц, а с ним и тот отголосок счастливой жизни, которую я наивно надеялась обрести в браке.

По возвращении в Париж Лео с головой окунулся в работу. Я знала, что это неизбежно, что большую часть времени я буду проводить одна. Сначала было неплохо, но очень скоро я поняла, что это не для меня – мне необходимо что-то делать. Сама найти работу я не могла – у меня еще не было разрешения. У Лео были связи в Префектуре, и он обещал ускорить все процессы по моему становлению полноценным гражданином этой страны. Но ждать все равно придется – и где я буду работать? Этот вопрос постоянно не давал мне покоя. Я никогда не смогу стать здесь тем, кем могла быть в России. *Могла быть, но никогда не буду.* Главное – осознать это, запомнить и больше не думать. И, конечно, идти дальше. Кажется, один мудрец сказал, что если перед вами закрывают двери, то где-то обязательно откроют окно. Я должна была найти это окно во что бы то ни стало.

Найти его мне помогла Бланш. Она и ее небольшая картинная галерея в маленьком переулке недалеко от Вандомской площади. Она не могла быть там постоянно, ей был необходим помощник, который хоть немного разбирался бы в живописи. Я не оканчивала курсов по живописи, но немного разбиралась в художественных направлениях и эпохах. И главное – мне это нравилось. Бланш меня раскусила и пригласила на работу. Это не первый и не последний раз, когда она меня выручала. Лео не возражал. Главное – чтобы я не ввязалась в какую-нибудь историю, а в картинной галерее вероятность этого была минимальной. К тому же представить

не могу, как бы я была разочарована, узнав, что вышла замуж за шовиниста. Ко всем прочим его недостаткам это было бы слишком.

В галерее я проводила не так много времени, в четыре часа мой рабочий день заканчивался, что меня вполне устраивало, ибо я использовала это время по полной программе – тогда у меня была возможность пройтись по магазинам. Конечно, я не скупала все подряд, но все же кредитка Лео с внушительным балансом была серьезным соблазном. В итоге каждый такой поход завершался либо шарфиком, либо флаконом духов и каждый раз – коробкой шоколадных конфет. Конечно, я ничего ему не говорила. Может, подсознательно я до сих пор не могла простить ему крушение своей карьеры, и это было своеобразной женской мстью, но мы больше об этом не говорили. Я этого не хотела, хотя он так и не признал свою вину.

Спустя пару-тройку месяцев я настолько погрузилась в работу с картинами, что уже не думала о проблемах, которые давно пора было оставить в прошлом. Я ощущала себя полноценной сотрудницей галереи, помощницей и где-то даже заместителем Бланш. Дни летели со скоростью звука, а по вечерам мы с Лео часто выходили в свет. Это были вечерние и ночные тусовки в клубах с его друзьями, скучные посиделки в крутых ресторанах с его партнерами по работе, где я безропотно (и не без удовольствия) выполняла роль «первой леди», а иногда просто гуляния по ночному Парижу или зависания в квартире, где было совсем нечем заняться, кроме как предаваться разгулу плоти. Про себя я называла это *богемной жизнью*. Я, Элина Эдельман, веду богемный образ жизни со своим непостижимым мужем... И вот, кажется, я начала понимать, что мне это нравится...

А потом я заболела гриппом.

Глава 18

Весь день я провела в галерее, помогая Бланш готовить презентацию для вернисажа. Я была настолько увлечена делом, что даже не ощущала усталости. Я поняла, что уже десять вечера, когда услышала бой старых антикварных часов в ее импровизированной гостиной. Я не хотела уходить, не доделав презентацию до конца, – Бланш буквально выгнала меня, пригрозив, что я нужна ей бодрая и выспавшаяся. Я сдалась.

Я решила пойти пешком – галерея была не так далеко от нашего дома. По дороге я почувствовала легкий озноб и только тогда поняла, как сильно устала. Открыв дверь, я увидела, что дома никого нет. Неужели Лео еще не вернулся?.. Переодевшись, я снова ощутила озноб и решила принять горячий душ с уверенностью, что после сразу же станет легче. Но легче не стало. Я почувствовала себя еще хуже: к ознобу прибавилась ломота во всем теле и резь в глазах. Только тогда я поняла, что у меня высокая температура.

Лео нашел меня в постели с градусником и грелкой.

– Только не это... Я же говорил, одевайся теплее.

– Вот только не надо – тебе-то всегда жарко, так что совет одеваться теплее звучит из твоих уст минимум как издевка.

Но на самом деле мне было не до пререканий – так плохо я давно себя не чувствовала.

Утром стало еще хуже. Наглотавшись на ночь таблеток, я надеялась сбить жар и облегчить ломоту, но сейчас мне казалось, что меня всю ломает изнутри, я реально ощущала, как болит каждая кость и каждая мышца. Даже кожа болела. Я не стала спорить с Лео – тем более что спорить было бесполезно. Он вызвал врача. Это был приятный мужчина средних лет, но когда он ушел, я не смогла вспомнить его лица. У меня начался бред.

Я плохо помню, что говорила и делала. Помню только, что никогда не чувствовала себя хуже. Я металась по кровати, мне казалось, что меня поочередно погружают то в огонь, то в воду. В голове промелькнула мысль, что, возможно, это и есть ад. Мне стало так страшно, что я начала звать маму, я почувствовала себя семилетним ребенком, беспомощным и жутко

напуганным. Потом я пыталась молиться – то вслух, то про себя. Мысли, слова – все стало сбиваться, и наверно, это был первый раз в моей жизни, когда я всерьез испугалась, что умираю...

Ночь прошла в таком же бреде. Я видела Лео, он приходил ко мне время от времени. Его лицо часто смешивалось с какими-то странными и жуткими образами. Он дотрагивался до моего лица, и его рука казалась то ледяной, как лед, то раскаленной головней. Когда я более или менее пришла в сознание утром, я увидела, что он сидит около меня на кровати. Он ничего не сказал, но его лицо было мрачнее тучи.

– Элина... Элина, как ты? Скажи мне, что ты чувствуешь? Тебе хоть немного легче?

Мне не стало легче. Мне казалось, что горячка так измотала меня, что я вот-вот впаду в беспамятство. Он только посмотрел мне в глаза и со словами «Все ясно» быстро вышел из комнаты. Вернулся он через пару минут, а может, через час. В его руках был какой-то странный чемодан, похожий на контейнер для хранения биоматериалов. Он что-то вытащил оттуда, захлопнул контейнер и унес. Когда он снова вернулся, он принес спирт. Я поняла по резкому запаху. А потом я увидела *это*... Ампула с жидкостью красно-коричневого цвета и огромный одноразовый шприц. Я замерла от страха, когда поняла, что он собирается сделать.

– Что... что это?

Я не знаю, что тогда одержало верх – страх или полуборморочное состояние, но я впала в настоящую панику. Он сразу же это почувствовал.

– Лежи и не дергайся.

– Что ты хочешь сделать?..

Он как будто не слышал меня. Даже в полубреду, в котором я тогда находилась, я заметила, как быстро и четко он действует. *Профессионально*. Он вскрыл ампулу и набрал почти целый шприц. Так жидкость казалась еще более зловещей. Может, это сыворотка правды или отравы?.. Все поплыло перед глазами – шприц, красно-коричневое пятно, Лео... Его лицо превратилось в злобную маску. Нет! Господи, что происходит?.. Что он хочет сделать со мной? Я пыталась вырваться, но он схватил мою руку и крепко прижал коленом к кровати. Я не понимала, чего он хочет – убить меня или облегчить мои страдания. Что это – яд или милосердие? Только когда я почувствовала, как игла вошла в вену и страшная жидкость заструилась по телу, я поняла, что сопротивляться бесполезно. Где-то в подсознании я стала прощаться с жизнью, мне уже не было страшно, я хотела только облегчения. Последнее, что я запомнила перед тем, как отключиться, было лицо Лео, когда он накрывал меня одеялом. А потом я куда-то провалилась...

Когда я очнулась, было светло. Я открыла глаза и посмотрела в потолок. Более странного ощущения я давно не испытывала. Жар спал.

Я долго сидела, не двигаясь, глядя в одну точку, словно никак не могла привыкнуть к своему новому телу. Меня смутило ощущение нереальности происходящего – как будто меня выдернули из бушующей бездны, которая должна была вот-вот поглотить меня, и пересадили в уютную домашнюю обстановку, где спокойно и тепло. Я не могла поверить, что выжила. Причиной тому было и мое состояние: я чувствовала себя настолько легко и бодро, как будто вчера я вообще не была больна. Единственное, что напоминало о моей вчерашней агонии, была насквозь промокшая постель. Я поняла, что всю ночь потела и теперь мокрая, как утка. Мне безумно захотелось принять душ и смыть с себя следы кошмара, который мне пришлось пережить. Я осторожно откинула одеяло и опустила ноги на пол. Они немного дрожали, но не настолько, чтобы я не могла стоять. Я встала и пошла. Добрела до ванной комнаты, сбросила с себя насквозь промокшую ночную рубашку и встала под благодатный теплый душ. И если вчера я побывала в аду – сейчас это был почти рай.

Приняв душ и переодевшись, я стала прислушиваться к звукам в доме – было очень тихо, как будто никого нет. Но, выйдя из комнаты, я поняла, что ошиблась. Лео вполголоса разговаривал по телефону. Увидев меня, он сразу же отключился.

– Привет. Как ты?

Я не знала, что ответить – я была в полном замешательстве.

– Нормально.

Он подошел ко мне, какое-то время пристально вглядывался в мои глаза, дотронулся до лица.

– Нужно измерить температуру.

– Лео...

– Сейчас же.

Я не стала спорить. Термометр показал 37,1 °С. Я была в шоке. Вчера, наверно, было за сорок.

– Хорошо, – сказал он. – Завтра будет 36 °С.

– Лео, ты можешь мне объяснить... почему... я так быстро выздоровела?

– Еще не совсем, детка. Еще пару дней.

– Ну ты же понимаешь, о чем я... Что это за лекарство?

– Лекарство?

– Та инъекция. Это же из-за нее мне лучше?..

Он посмотрел на меня – как всегда, когда я задаю неправильные вопросы. – Не хочешь рассказать?

– Да, инъекция. Но тебе лучше не думать об этом. Все позади.

– Почему не думать? Это что, экспериментальная вакцина?

– Нет, уже давно не экспериментальная. Думала, станешь подопытным кроликом?

На его лице промелькнула улыбка – та самая, полуплотноядная, полуснисходительная.

– Голова не кружится?

– Нет. Ведь это лекарство не купишь в аптеке, так?

– Не купишь. Ни в аптеке, ни где-либо вообще.

– Оно создано в лабораториях «МарСо»?

– Нет, мы не создаем такие вакцины. Этот препарат был разработан совсем в другой лаборатории под грифом СЕКРЕТНО.

Я не могла понять, шутит он или говорит совершенно серьезно.

– Ты хочешь сказать, что он запрещенный?

– Нет, просто он... не в широком употреблении. Пока. Не бойся, все будет хорошо.

– Я не боюсь...

– Поешь.

Я медленно опустилась на стул. Он поставил передо мной хлопья, обезжиренное молоко и тарелку с фруктами.

– Лео, ты что... спас мне жизнь?

И снова этот невозможный взгляд. И больше ничего.

– Нет, я не боюсь. Просто мне было очень плохо, а теперь...

– А теперь все хорошо. – Он опустился на колени передо мной и обхватил руками мое лицо. – И я очень этому рад.

– А как же доктор?..

– Что – доктор?

– Что мы ему скажем?

– Он предположил, что должен наступить переломный момент. Вот он и наступил. Такой вариант подойдет?

Я не знала, что мне делать – смеяться, плакать или бежать прочь от этого человека. В тот момент он одновременно восхищал, пугал меня, выбивал из-под ног почву и наполнял мою жизнь смыслом. Но я только кивнула ему и позволила себя обнять...

Через три дня я была совершенно здорова.

Глава 19

Изо дня в день я все больше и больше ощущала, как становлюсь членом клана Марэ. И я не могу сказать, что была в восторге. С его матерью я так и не сблизилась, его отец меня вообще не замечал (чему я была только рада). С Бланш мы стали видеться реже – в галерее она была не так часто ввиду каких-то личных проблем.

Как-то на выходные мы поехали на свадьбу родственника Лео. Он был один из многочисленных Марэ, которых я видела не более одного раза. Свадьба была организована скромно – с поистине буржуазным размахом. Церемония венчания состоялась в соборе в Амьене. Элегантные и чопорные гости все делали так, как будто заранее отрепетировали: в определенное время собрались, после церемонии вереницей подошли к молодоженам, поздравили, затем такой же вереницей вышли и сели по машинам, чтобы ехать в арендованный банкетный зал. Все было чинно, неброско, спокойно – хотя без склянок опять не обошлось!

Я с удовольствием встретила с кузиной Мари – единственной представительницей нашего поколения, которая была мне симпатична. Не то чтобы мне не нравились другие члены семейства, но легкости в общении с ними я не ощущала. Конечно, сейчас я вела себя с ними совсем не так, как при первой встрече, – я чувствовала, что говорю бегло и смотрю им в глаза смело, иногда даже с вызовом. Я не была уверена, что это правильное поведение, но один раз я поняла, что Лео наблюдает за мной во время одной из таких бесед с родственниками, и я увидела одобрение в его глазах, даже более того – убеждение, что только так я и должна себя вести.

В тот день я познакомилась еще с одним кузенком Лео и не могу сказать, что осталась довольна знакомством. Как я поняла из разговоров других родственников, он был ближайшим из всех кузенов. Его звали Жан-Поль. Внешне он даже отдаленно не напоминал Лео или его отца, видимо, родители этого парня были совсем другой породы. Немного долговязый, с рыже-вато-каштановыми волосами и маленькими хитрыми глазками, он почему-то сразу напомнил мне крысенок, хоть и был гораздо выше ростом (почти такой же высокий, как Лео). Не знаю – почему, но он мне сразу не понравился. Мы пообщались немного, он улыбался, пытался шутить, но от всего этого отдавало фальшью. Кроме того, я очень скоро поняла, что Лео с ним не ладит. И тем больше было мое удивление, когда я узнала, что Жан-Поль ходил в любимчиках Марэ-старшего. Мы как-то даже затронули эту тему с Нинель.

– Жан-Поль – подхалим. Он всю жизнь таким был. Лео поэтому его и ненавидит. Впрочем, это взаимно, – говорила она.

– Я слышала, как он разговаривает с отцом Лео. Можно подумать, что он его обожает.

– А как же иначе! Только не из уважения и родственной привязанности, а из-за перспективы занять трон.

– То есть?..

– Лео ведь единственный сын своего отца, а Жан-Поль ближайший родственник. И если Лео вдруг откажется вести семейный бизнес, а пару-тройку лет назад это было весьма вероятно, то любимчик Жан-Поль возьмет бразды правления в свои руки.

– Лео не откажется от дела. Он ушел из ООН и больше не вернется, – я сказала это с твердой уверенностью в голосе, как будто бы знала наверняка. Но ведь на самом деле он даже никогда не говорил со мной об этом.

– Конечно, теперь уже нет. Но не потому, что ему это очень нравится. Насколько я его знаю, он никогда не хотел заниматься бизнесом, его всегда тянуло в другие стороны. И не всегда правильные...

Тут она замолкла – как-то внезапно, и я поняла, что она не хотела договаривать. Возможно, она имела в виду наркотики или знала что-то еще. Наверняка. Но вытягивать из нее что-либо сейчас было бессмысленно – она не скажет. А его я больше не спрашивала... Пока он сам не напомнил мне об этом намерении.

В один день он вернулся домой смертельно пьяный. Я никогда не видела его таким. Мне было страшно выглядывать в окно в поисках машины, на которой он должен быть приехать, из страха увидеть ее разбитой всмятку. Ничего не говоря, он проковылял в гостиную и свалился на диван. Первой моей мыслью было: как хорошо, что он дошел до дивана и отключился на нем, а то я бы не смогла дотащить его. Накрыв его пледом, я задумалась: несколько дней до этого он очень плохо спал, как и в течение недели перед свадьбой. Он то просыпался среди ночи и шел курить, то вообще не ложился до утра. Я списывала это на нарушение биоритмов из-за наркотиков и постоянных перелетов через океан. Но только ли его роковые ошибки молодости тому виной? Я понимала, что эта мысль не дает мне покоя, все больше и больше изматывая меня. В итоге я тоже подхватила бессонницу и решила, что этот гордый узел нужно во что бы то ни стало разрубить.

Произошло два события, на первый взгляд совершенно не связанные друг с другом, но которые ознаменовали начало конца нашей счастливой семейной жизни.

В одной из газет появилась небольшая статья, которая содержала довольно толстый намек на теневую бизнес, в который была якобы вовлечена «МарСо». Я почти не читала французских газет, но эта новость дошла до меня быстро. Мне срочно нужно было идти к стоматологу, а Лео записал меня к своему врачу по своей страховке, поскольку моя еще не была готова. Я приехала в офис Марэ, чтобы забрать у него карту. Когда я увидела его, он был в бешенстве. Я поспешила списать это на очередной разгон на совещании, но оказалось, что дело в одной паршивой статье.

– Что за статья? Неужели все так серьезно? – осторожно спросила я.

– Какой-то недоумок придумал байку об отмывании денег с мафиозным арабским шейхом.

– Что за бред! Какой шейх? Вы разве работаете с арабами?

– В том-то и дело, что не работаем. Пока. Мы только нацеливаемся открыть филиал в Абу-Даби. Вот и пытаемся провернуть несколько сомнительных сделок, чтобы выиграть тендер, – бросил он язвительно.

– Но если он об этом написал, значит, у него есть какая-то информация. Не мог же он выдумать такое на пустом месте! Или это был выстрел наугад?

– Не удивлюсь, если и так.

Гнев продолжал кипеть в нем. Он и раньше раздражался по таким вопросам, но сейчас что-то еще было в этом проявлении негодования. Страх? Страх того, что что-то может выйти на поверхность?

– Лео, скажи, когда ты последний раз был на Ближнем Востоке?

Я не знаю, почему я задала этот вопрос. Но он попал в цель. Он сразу как-то напрягся, хотя ни один мускул на лице не дрогнул. Что-то было не так...

– При чем тут это? – процедил он сквозь зубы.

– Ни при чем... Я просто думала, что ты давно там не был. Какие дела ты мог вести с ними? Ты ни с кем не встречался ни там, ни в Париже, – я не совсем понимала, что говорю, лишь бы что-то сказать.

Он оторвался от окна, в которое все время смотрел, и взглянул мне в глаза. Я невольно вздрогнула – там была усталость и боль. А рот, как всегда, искривлен в горькой усмешке.

– Поверь, для некоторых людей неважно, где я был или не был последнее время. Важно то, что я *когда-то* там был. И провел там немало времени.

– Ты имеешь в виду время, когда работал в ООН?

– Да, – повисла пауза. – И когда служил в Ираке.

– Но при чем здесь Ирак? И вообще, чего хочет придурок в той статье? Денег?

Лео усмехнулся.

– Этого хотят все, Ли.

Ли... В последнее время это стало моим вторым именем. Это так нелепо – это же совсем не я... Ли! Я несколько раз высказывала свое недовольство, но сейчас решила промолчать и сделать вид, что ничего не слышала.

Позвонил телефон, Лео вызвали на встречу с каким-то клиентом.

Я подошла к его рабочему столу и взяла в руки газету. Статья была совсем небольшая. «И из-за этого весь сыр-бор?» – подумала я и бегло прочитала ее. Мне показалось, что это полный бред, но фразы хлесткие, я бы даже сказала, ядовитые. Первой мыслью было – либо этот журналист ненавидит Лео лично, либо у него тщательно подготовленный план с целью получения немалой суммы денег. Грязных денег. Я испытала глубокое отвращение. И вовсе не потому, что была уверена в совершенной непричастности моего мужа и «МарСо» к отмыванию денег – я как раз могла в это поверить. Все дело было в том, на *что* шли такие люди, как этот журналист, – неважно, ради славы или наживы. В тот момент мне очень хотелось сказать ему об этом в лицо. Вот только бы встретиться с ним...

Я посмотрела на подпись внизу статьи: «Александр Леви». Я села за компьютер и пробила его в Интернете. Член Международной организации журналистов. Работал в Израиле, России, Великобритании, Франции. Тридцать семь лет. Не женат. Еще несколько строк по поводу карьеры и манеры написания статей. И маленькая, не очень четкая фотография. Вроде блондин с голубыми глазами. Вымогатель или поборник справедливости? Мерзость...

Через пару дней об этой статейке перестали говорить. Никакого широкого резонанса она не вызвала – видимо, пресс-служба «МарСо» хорошо поработала.

Но вскоре произошло еще одно событие.

Утро вторника. Мы с Лео собираемся на работу. Все как обычно: я никуда не спешу, картины не люди – подождут. Он тоже не спешит, хотя его ждут отнюдь не картины. Но его люди были бы рады подождать и дольше, неспешно попивая кофе и обсуждая своего деспота-начальника, которого в тайне боялись. Разумеется, он знал об этом и, как все деспоты-начальники, уверена, упивался этим страхом.

Звонок в дверь в такое время сам по себе был странным явлением. Не говоря уже о том, что он был настойчивым, упрямым, ровно три раза. «Это не может быть к нам, – подумала я. – Наверняка ошиблись». Одеваясь в спальне, я слышала, как Лео открыл дверь. Я не могла не выглянуть из комнаты, потому что не слышала, как закрылась дверь. Я увидела Лео и двоих мужчин в строгих серых костюмах. Странно, но почему-то мне сразу вспомнились фильмы, в которых в квартиры вот так же по утрам приходят агенты из ФБР или ЦРУ и с этого момента жизнь главных героев меняется на сто восемьдесят градусов. Не помню, подумала ли я, что наша жизнь также изменится... Я не слышала их разговора. Поняла только, что мужчины в костюмах что-то говорили, а Лео молчал. По всей его позе я поняла, что лучше бы он никогда не открывал эту дверь. Когда они удалились, я вышла из комнаты и увидела, что он стоит у окна и наблюдает, как эти двое садятся в машину и уезжают. Не могу сказать наверняка, может, мое воображение окончательно разыгралось, но мне показалось, что у машины были странные – не французские – номера...

– Лео, кто это был? – спросила я.

– Так, никто, – ответил он сухо после недолгой паузы. – Старые знакомые.

Снова большое воображение, или в его голосе звучала горькая ирония, которую я уже так хорошо могла распознать?..

– Что они хотели в такое время?

– Пришли с одной глупой просьбой. Не бери в голову, Ли. Они больше не вернуться.

На этом разговор закончился. Но я чувствовала, как его все больше и больше засасывает в пучину тревоги и сомнений. И меня вместе с ним.

Глава 20

В тот день я вернулась домой поздно – задержалась в галерее, просматривая новую коллекцию картин для следующего вернисажа. На улицу уже опустились сумерки, в квартире было темно и тихо. Но я знала, что он здесь. Он сидел на подоконнике, как обычно, и курил. Я смотрела, как на фоне заката четко вырисовывается его профиль, а вверх неспешно струится дым от сигареты. Я подумала, что надолго запомню этот момент – такой красивый и такой обыденный одновременно. Бросив жакет и сумку в ближайшее кресло, я подошла к нему и встала рядом, прислонившись к стене. Мы молчали. Он сидел, а я стояла – как две застывшие статуи в игре «Море волнуется раз...». Потом он взглянул на меня. С его глазами было что-то не так. Вроде он курил свои обычные сигареты, не траву. Наркотики он не принимал – ни разу после той давней истории. Я верила, что это правда, иначе он бы давно сорвался... и погиб. Возможно, он просто пьян. Это иногда случалось, хотя у него не было алкогольной зависимости. Просто он напивался время от времени, когда с ним происходило что-то странное – то самое странное, причину которого я безуспешно пыталась разгадать.

Когда он вдруг заговорил, его голос звучал словно из-под земли, а то, что он сказал, привело меня в замешательство.

– Ты никогда не хотела стереть память?

– Что?..

– Не всю, а какую-то определенную часть?

– Лео, о чем ты говоришь? Ты пьян...

– Нет. Ответь мне.

Я не знала, что ответить.

– Иногда ты меня пугаешь, – сказала я.

Он улыбнулся, но это была очень странная улыбка – она лишь слегка коснулась губ и пропала.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Возможно.

– Что?

– Тебе не нужно это знать.

– Нет, мне нужно это знать! – заупрямилась я.

– Все это время ты как-то обходилась без этого.

– Вот именно – как-то обходилась. Но больше не могу!

– Еще как можешь.

– Ненавижу тебя...

Вдруг что-то во мне сломалось – словно резко натянутая струна лопнула. Все внутри кричало, заставляя замолчать, но я не могла остановиться. Мой голос дрожал от слез и гнева. Я хотела испепелить его, как он все это время испепелял меня.

– Ненавидишь меня? – спокойно переспросил он. – И за что же?

– За все! За то, что ты превратил мою жизнь в руины. Как только ты появился, все стало рушиться.

– Неужели? Значит, до меня все было прекрасно?

– Да, представь себе! Из-за тебя я потеряла работу, получила «волчий билет». Из-за тебя была вынуждена уехать из своей страны, потому что из-за тебя – или, может, *благодаря* тебе – никогда не смогу наладить там свою жизнь.

– Можно подумать, ты бы сделала там блестящую карьеру!

– Из-за тебя я была вынуждена расстаться со своими родными и переругалась с друзьями.

– Велика потеря...

– Да, велика! Хотя тебе, может, и не понять. Кроме Дидье, тебя никто не может вытерпеть. А у меня были настоящие друзья, не лицемеры и не прихлебатели, и мне пришлось их всех бросить.

– Да, вместе с безутешным любовничком в придачу.

Я нащупала что-то стеклянное позади себя на кофейном столике. Моя рука уже сомкнулась вокруг этого предмета, готовая запустить его в человека, который сейчас стоял напротив и невозмутимо смотрел на меня, изрыгая мерзости. Но что-то остановило меня. Наверно, я вспомнила, что я его жена.

– Замолчи!..

– С удовольствием. Если бы ты не начала этот бредовый разговор, ничего бы не было.

– Ненавижу... за то, что ты сделал с моей жизнью. Может, ты, конечно, считаешь, что ни при чем. Твое дело. Но мы оба знаем, что это так. Я не хотела тебя ни в чем винить. Даже тогда, в Москве, когда Фридман указал мне на дверь, я могла бы... Но я не стала. Вместо этого я все бросила и поехала с тобой. Ты, конечно, можешь цинично заметить, что у меня был небольшой выбор. Может, и так, но из принципа я могла бы остаться в России. *Но я поехала с тобой!* И все это время надеялась, что ты хоть чем-то мне поможешь, что я не буду чувствовать себя чужой и никому не нужной. А получается, что я не нужна тебе. Ты не хочешь посвятить меня ни в одну свою проблему. Я твоя жена! А ты только отворачиваешься, напиваешься и оскорбляешь меня. Ненавижу тебя за то, как ты поступаешь со мной...

– И как же я поступаю с тобой? Не задумывалась, чего ты на самом деле хочешь от меня? Не думала, что лучше тебе не знать?

– Думала! Но в том-то и дело, что я *ничего* о тебе не знаю!

– Неужели? – в голосе ничего, кроме яда.

– Несколько фактов из твоего прошлого не в счет.

– Даже если они не очень-то лицеприятны?

– Я в курсе твоего нелицеприятного прошлого, если ты об этом. Я не сбежала от тебя, когда узнала, что ты был наркоманом.

– И тебя не смутило мое моральное разложение?

– Не настолько, чтобы не простить...

– А убийство?

– Что?

– Убийство человека, по-твоему, можно простить?

Я похолодела.

– Что значит... убийство человека?

Он долго смотрел мне в глаза, а потом я заметила, как его рот искажает странная усмешка. Он засмеялся. Меня прошиб пот облегчения.

– Как ты можешь так шутить? Ты рехнулся?!

Он продолжал смеяться, пока смех резко не оборвался. Черты лица окаменели. Точнее, это была маска – из боли и цинизма. Я *знала*, что он не шутит. И испугалась я вовсе не потому, что он мог совершить убийство, а оттого, что я *верю* в то, что он мог это сделать.

Я чувствовала, как лихорадочно работает мозг, пытаюсь найти хоть одно оправдание тому, что оправдать невозможно. Он убил в целях самозащиты; убил, чтобы не убили его самого; спасал чью-то жизнь; убил человека, который совершил что-то ужасное; несчастный случай... Все что угодно. Наконец я набралась смелости взглянуть ему в глаза – он отрешенно смотрел в никуда. Весь его яд и сарказм куда-то ушли, исчезли. Когда наши взгляды встретились, на меня смотрел другой человек. Я не могла произнести ни слова, поняла, что дрожу. Это, наверно, был страх – страх, что сейчас он снова ничего мне не расскажет, или, наоборот, – страх, что моя жизнь, возможно, теперь в опасности от того, что он невольно приоткрыл мне свою страшную тайну.

– Глупо было рассчитывать на то, что ты не узнаешь об этом, – произнес он равнодушно.

– Да. – Я молилась, чтобы мой голос не дрожал. – Но ты как раз на это и рассчитывал, правда?

Он закурил еще одну сигарету и снова сел на подоконник. Как будто ничего не произошло. Как будто он только что не признавался мне в убийстве. Как будто все так и должно быть. Словно мы с ним играли в некоей безымянной пьесе театра абсурда.

Я молчала в надежде, что он заговорит первым. Неважно, что он скажет – лишь бы сказал что-нибудь. Но он молчал. И говорить пришлось мне...

– Лео, как это произошло? Давно? Здесь, во Франции?

– Какая разница, где и когда. Важно, что произошло. А теперь можешь справедливо ненавидеть меня дальше и пожелать мне катиться в преисподнюю. А еще лучше развестись со мной.

– Так ты этого хочешь? Развестись? А зачем надо было вообще жениться на мне? Чтобы повеселиться пару-тройку лет? Ведь именно об этом вы говорили тогда с Дидье, когда он уговаривал тебя все мне рассказать? Похоже, он порядочнее, чем я думала. Порядочнее...

– ...чем я?

– Я не это...

– Это, именно это. Конечно, это так. Во мне нет ни капли порядочности – я вообще не знаю, что такое порядочность. А тебе просто не повезло: если ты искала во мне порядочного человека, ты его не найдешь.

– Зачем ты это говоришь? Ты меня пугаешь...

– Пугаю?! Неужели ты еще не испугалась? Что еще тебе нужно, чтобы окончательно сломаться?

– Я не собираюсь ломаться! И ты меня не сломаешь.

– Я, конечно, подозревал, что ты не упадешь в обморок... но только гребаную героиню из себя не строй.

Я ничего не ответила на это – я просто молча плакала. Я не смотрела на него из страха, что он увидит мои слезы.

– Это было в Ираке. Несколько лет назад, – продолжил он.

Я резко подняла голову, пытаюсь разглядеть его силуэт сквозь слезы.

– Ирак? Но это же война! Убийство на войне – это не убийство...

– Заткнись и слушай дальше. Я находился там в составе миротворческой группы. Сначала доставлял лекарства и провизию солдатам НАТО, потом научился управлять вертолетом и стал перебрасывать военных с одной базы на другую и время от времени – оружие. Когда командиры узнали, что я до того несколько лет прожил на Ближнем Востоке и неплохо говорю и понимаю по-арабски, они стали просить меня иногда выполнять кое-какие поручения. Я понял, что они используют меня для разведки, и вскоре до меня дошло, что они готовятся к какой-то важной спецоперации, в которой им потребуется посредник – человек, который сможет узнать о местонахождении и планах противника.

Потом на несколько минут повисла пауза. Ни один из нас не произнес ни слова. Воздух был так накален, что, казалось, одно движение, один звук могут спровоцировать взрыв.

– У меня был один приятель араб. Даже не приятель, а так – знакомый. Его звали Халид Ясир. Он был чем-то вроде независимого корреспондента: типа освещал события для *Аль-Джазиры* – не вашим, не нашим. Они, конечно, узнали об этом. Неудивительно – у меня были друзья-арабы. Во время одной доверительной беседы этот самый приятель сказал мне, что знает, где и когда совершит вылазку целый отряд суннитов – я хорошо знал это место, недалеко от американской базы. Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что в итоге они поручили мне выведать через него все подробности. – Его тон становился все жестче. – Я это сделал. Когда настал день проведения спецоперации, я должен был быть там вместе с отрядом. До этого меня подготовили – как себя вести, что делать. Стреляю я очень хорошо – научился задолго до того. Смелости тоже было не занимать. И безрассудства. А что еще нужно...

Потом повисла затяжная пауза. Я думала, не переживу этого момента.

Когда он продолжил, его голос звучал как из могилы.

– Моя задача была проста: я хорошо знал дорогу, куда должны были пройти натовцы, для того чтобы окружить противника. Я повел отряд. Это были новобранцы. Я не знал их имен, не знал, откуда они. Даже не помню, на каких языках они разговаривали. Не думаю, что у них было больше опыта, чем у меня – скорее, намного меньше. Перед ними просто поставили задачу, которую нужно выполнить. Когда мы пришли туда, стояла тишина, очень сильно палило солнце, несмотря на деревья и кусты, среди которых мы прятались. Мы должны были сидеть тихо и ждать прибытия других отрядов с других сторон, чтобы образовать кольцо. – Он тяжело перевел дыхание. – Потом внезапно раздался треск, как будто падало что-то тяжелое. В одно мгновение все как будто поглотила буря из песка и огня. Я понял, что кричу что-то, но все заглушают выстрелы. Потом прогремел взрыв – кто-то бросил гранату. Я не знал, кто это был – арабы или американцы. Волной меня отшвырнуло дальше в кусты, и сверху окатила волна песка. Наверно, меня контузило – в глазах туман, в голове шум. А потом резко – тишина. Я думал, что окончательно оглох, но когда песок рассеялся, я поднял глаза и увидел, что произошло... – Он резко замолчал, и на какое-то время между нами повисла тишина.

А перед моими глазами предстала жуткая картина того, что произошло несколько лет назад на земле, выжженной войной. Мне вдруг отчаянно захотелось кричать – так, как кричал он тогда, после безжалостно прогремевшего взрыва, но я понимала, что с трудом дышу.

– Ни один не выжил... – его голос разрезал эту зловещую тишину, как колокол, предвещающий беду... и скорбящий о безвозвратной утрате. – Никто... кроме меня.

– Лео...

Снова затянувшаяся пауза, прежде чем он продолжил.

– Позже, когда отряды НАТО высадились на территории, нашли меня и загрузили в вертолет, я уже знал... Когда они привезли меня в больницу и обрабатывали мои царапины, я слышал, что они обсуждают между собой. Но к тому моменту я уже все знал. Я знал, что была засада. Что нас заманили в ловушку. Знал, что моему знакомому арабу-корреспонденту неплохо заплатили за выдачу схемы операции, которую он якобы узнал от боевиков. Но потом боевики заплатили ему еще больше, чтобы он выдал им наш гениальный план. Который он знал на зубок благодаря мне.

Когда он произнес последние слова, я наконец набралась смелости и взглянула на него. Я ожидала увидеть ужас, гнев, страх, слезы, все вместе на его лице, но не увидела ничего. Оно оставалось таким же каменным, взгляд – холодным и равнодушным. И только в этот момент я поняла весь ужас того, что произошло тогда, шесть лет назад, в Ираке, и сейчас, в этой комнате с видом на Люксембургский сад. И между этими двумя временными точками – отрезок длиною в целую жизнь. Жизнь, полную горечи и страха, постоянного ощущения трагедии, которая ходит за тобой по пятам, которая не отпускает тебя ни днем, ни ночью, которая заполнила

все твоё существование. Я могла только догадываться, как он жил все эти шесть лет. Вдруг я почувствовала себя полной идиоткой, что не поняла всего сразу. Я строила какие-то нелепые домыслы о его поведении, мое неумное воображение ничего не пропустило – измены, наркотики, рак, проблемы с психикой – о чем я только не думала, пытаясь угадать причину его скрытности и цинизма. А на самом деле все лежало на поверхности... и ужасало своей нелепостью и трагизмом. Я хотела сказать ему о том, что я чувствую, о том, что я знаю, что чувствует он, что теперь я понимаю, что скрывается за этой видимой жесткостью и беспощадным цинизмом, которыми он прикрывался, как щитом, – которые так и не смогли излечить его душу за шесть лет и вряд ли когда-то излечат. Я понимала, что, несмотря на придуманную им самим броню, он не защищен, он обречен жить в аду, который я теперь вынуждена разделить вместе с ним.

– Лео, ты можешь говорить все что угодно, но ты должен взглянуть правде в глаза: там шла жестокая, непредсказуемая, безумная война. Не будь тебя, был бы кто-то другой. Такое могло произойти с любым человеком, оказавшимся на твоём месте. И никто ничего не смог бы сделать... Это факт. Ты должен его принять...

Какое-то время он молчал. Я испугалась, что он окаменел от отчаяния. Но потом произнес, словно из могилы:

– Все, что я должен был принять, я уже принял, Ли. Я живу, а они нет.

Бесполезно было говорить что-то еще – тема была закрыта. На сегодня и целый год вперед, как я думала. Исчерпать ее от и до было невозможно, и мы оба это знали, но продолжать говорить об этом не было смысла. Я знала, что он никогда не покажет свою слабость, не выставит на обозрение свои переживания, свои бессонные ночи, вспышки ярости и осознание беспомощности. Какие последствия это имело для него после, я спрашивать не стала. Немного позже я узнала, что от разбирательства его «отмазал» отец, и в этом крылась еще одна причина напряженности между ними. Дело не завели, под трибунал его не отдали, и экстрадиции никто не просил, хотя в глубине души я чувствовала, что ему было бы легче, если бы хоть кто-то сделал вид, что помнит об этом. Я подумала, что он бы не побоялся предстать перед военным судом, если не побоялся влезть в самое пекло войны, если поборол наркотическую зависимость, выжил в джунглях Африки, работая на Красный Крест. Вспоминая все, что я узнала о нем, я понимала, что в жизни этого человека слишком много парадоксов. За свои тридцать пять лет он пережил столько, сколько большинство не переживают за всю жизнь, и, откровенно говоря, ему мало чем можно гордиться. Пожалуй, только одним – силой воли. Я не встречала людей с такой силой воли ни до, ни после него. В глубине души, это всегда было то, к чему стремилась я сама, качество, которое я больше всего хотела развивать в самой себе. Но только после того, как я узнала, что с ним произошло в Ираке, я поняла, что это такое на самом деле и что в действительности представляет собой этот мужчина. Мой муж Лео.

Глава 21

Было семь часов утра, когда меня вырвал из сна резкий звонок будильника. Я плохо спала ночью, и мне показалось, что где-то воеет сирена. Неужели что-то случилось?... Кровать была пуста. Я вскочила и побежала на кухню – там никого не было. Потом в ванную – тоже никого. Во всем доме тишина, безмолвная и угнетающая. Дома никого, и уже давно. Кофемашина холодная, запах сигарет нигде не витает. Лео куда-то уехал. Но куда? Он не спал всю ночь, сегодня суббота. Что ему могло понадобиться в такой час? Я чувствовала, как в висках стучит кровь. Я испугалась. Выглянув в окно, я убедилась, что он взял машину. И хотя он не пил, он был явно не в себе. Стараясь всеми силами гнать от себя жуткие сцены, которые невольно то и дело вторгались в мое сознание, я стала лихорадочно одеваться. Ни о кофе, ни о еде я думать

не могла – меня тошнило. То ли от страха, то ли от пережитого накануне шока. В какой-то миг мне даже показалось, что я нахожусь где-то между небом и землей, в состоянии полной невесомости. А потом мне пришло в голову взять в руки телефон и позвонить.

Он ответил после второго звонка. Совершенно спокойным голосом:

– Ты уже не спишь? Что-то случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.